

Николай Мороз

**Инструктор по
ВЫЖИВАНИЮ**

18+

Николай Мороз
Инструктор по выживанию

«Автор»

2022

Мороз Н.

Инструктор по выживанию / Н. Мороз — «Автор», 2022

Демократия дорого обошлась России, Кремль вынужден жестко подавлять беспорядки и ввести Чрезвычайное положение. Страна стремительно погружается в хаос гражданской войны, эпидемий, мародерств и этнической преступности, люди бегут из вымирающих городов. Но даже в этой новой смуте найдутся те, кто готов сражаться и умереть за общечеловеческие ценности, обучит гражданских драться и поможет им выжить.

© Мороз Н., 2022

© Автор, 2022

Николай Мороз

Инструктор по выживанию

В городе сейчас не было ни одной живой души, способной встать у него на пути. Живой – да, но не мертвой. Егор заметил препятствие на дороге в последний момент и едва успел взять немного в сторону. На тротуаре в грязной луже лежал труп, а рядом с ним шевелилось что-то темное и быстрое, оно глухо ворчало и яростно пищало одновременно, слышался треск разрываемой ткани. Егор достал пистолет и медленно пошел вперед, готовясь пристрелить любую тварь, если та попытается напасть, будь она с этого света или с того. Но зверью было не до живого человека, их добыча давно умерла. В сыром полумраке Егор рассмотрел, как крысы и собаки ели труп одновременно с разных сторон, при этом грызуны с пронзительным писком бросались на собак, те огрызались, но не отходили, только злобно косились на конкурентов. Одна крыса прыгнула псу на морду, вцепилась острыми зубами в тонкую шкуру, пес взвыл, завертелся на месте, отскочил назад. Крыса спрыгнула в лужу, пробежала мимо Егора, едва не задев хвостом его ботинки, вернулась к трапезе, а пес подвывал неподалеку, слизывал с носа кровь. Егор обошел пирующее зверье, с трудом подавил желание выпустить в крыс и собак всю обойму. Черт с ними, если так и дальше пойдет, то городские падальщики скоро начнут жрать друг друга, вернее, уже жрут. Этот, что в грязи лежит, тоже отбросами при жизни не брезговал, вышел, судя по виду, денька два назад, в помойке порыться, да сам по ряду причин в еду превратился. Откуда его принесло, интересно.

Егор шел по знакомым улицам, осматриваясь на ходу. Старые пятиэтажки, мимо которых когда-то в школу ходил и на велике сто раз проносился, с виду целы, но приглядишься – и ни одного целого стекла в окнах не увидишь. Чернеют проемы по всему фасаду, скалятся белыми обломками рам, видны покореженные пластиковые профили, а кое-где и пятна сажи и гари на кирпичных стенах. Двери подъездов вырваны с корнем, газоны и дорожка под окнами завалена разным хламом, в котором угадываются и корпуса телевизоров, и холодильники, грязное обгорелое тряпье, битая посуда.

Дальше магазин, разграбленный еще три месяца назад, в тот день, когда каждый предельно отчетливо осознал, что отныне рассчитывать он может только на себя, на силу своего кулака и оружие, если таковое имеется. Имелось оно далеко не у всех, зато счастливые обладатели даже вульгарнейших гладкостволов быстро заняли если не верхушку, то ее подножие в моментально сложившейся цепи питания, а остальные... Пошли на корм городской фауне, например, как он только что имел возможность убедиться. И не в первый раз, и, надо думать, не в последний.

Звук движка Егор услышал издали, и замер, прислушиваясь, соображая в темпе – не почудилось ли? Но нет, подтверждением тому стали псы и крысы, они дружно рванули прочь от «стола», бросив лакомые куски приближавшимся крупным хищникам. Егор добежал до разгромленного магазина, перемахнул подоконник огромной, застекленной когда-то витрины и вжался в стену, стараясь не хрустеть осколками стекла, в изобилии валявшихся на полу. И высунулся из-за угла, продолжая сжимать «макаров» в руке, опустил на всякий случай предохранитель, помня, что патроны надлежит экономить. К тем самым пятиэтажкам, что он пару минут назад миновал, подъехали два внедорожника, черный и зеленый, грязные до того, что цвет кузова едва угадывался под слоем засохшей и свежей грязи. Но на ходовых качествах машин это никоим образом не сказывалось, внедорожники катили параллельными курсами, невзирая на мелкие преграды в виде бордюров, открытых канализационных люков и обломков бетонной плиты, непонятно за каким чертом вывороченной из длиннющего больничного забора по соседству и брошенной на проезжей части как раз неподалеку от того места, где пару минут назад псы и крысы грызли за добычу. Впрочем, одна тварь от еды далеко не ушла,

то ли самый голодный, то ли хитрый пес еще оставался там, остервенело грыз что-то и даже загавкал на приближавшийся внедорожник, отгоняя конкурента. В окне машины показался ствол автомата, грохнул одиночный и пес, скуля, покатился под колеса зеленой машины, раздался тошнотворный хруст и низкий, моментом оборвавшийся вой.

Под дребезжащую дерганую музыку, доносившуюся из окон, внедорожники один за другим неспешно подкатили к крайнему подъезду желто-белой блочной пятиэтажки, и встали, перекрыв подходы к дому. Захлопали дверцы, из машин выскочили пассажиры – одеты кто во что горазд, но в гардеробе «гостей» преобладал камуфляж расцветки «флора» и «цифра».

Егор издали смотрел на происходящее, чуть прищурился, рассматривая заросшие физиономии, прислушивался к щелкающему отрывистому говору, и уже догадывался, что будет дальше. Слышал, не раз и не два передаваемые шепотом вполголоса сплетни и слухи, но не то, чтобы не верил – всерьез не принимал, и то по одной лишь причине: не было среди говорящих очевидцев, а покойники, как известно, на любой вопрос предпочитают отмалчиваться.

Всего он насчитал восемь человек, но не факт, что из машин вышли все – внедорожники стояли так, что непонятно, есть кто за рулем или нет, зато остальные действовали слаженно и быстро. Егор видел, как замелькали огоньки, загорелось что-то, потом раздалось две короткие автоматные очереди. Уцелевшие стекла в окнах второго этажа моментально пошли трещинами, стеклопакеты сдались через минуту, и тут же внутрь полетели бутылки с горящими тряпками. Звон, глухие хлопки, треск, заволошные крики – и все это моментально перекрыли выстрелы. Из окна валил черный дым, в его клубах Егор увидел силуэт человека, непонятно издали – мужчину или женщину. В тот же миг из окна вылетела «ответка», не разбившаяся бутылка с «молотовым» свалилась на вытоптаный газон под колеса черного внедорожника, кто-то затоптал огонь и дал по окну очередь. Человек в окне мотнулся, как сломанная кукла, и рухнул на подоконник, перевалился через него и полетел со второго этажа. И, кажется, еще двигался, пытался подняться и отползти, когда его добивали, уже не тратя драгоценных патронов. Егор видел, как упавшего окружили трое, и ударами прикладов закончили все за считанные минуты.

Крики из окна не прекращались, сверху летело горящее тряпье, а в подъезд уже вбежали несколько человек, навстречу гостеприимно распахнутой двери, разумеется. Где будет спасаться человек, оказавшись в горящей квартире, когда путь к окну отрезан? Кинется в подъезд, разумеется, напрямик в объятия подоспевших «гостей».

Протрещала короткая очередь, вопль захлебнулся, дальше грохнуло что-то, и снова раздалось крики, тонкие, отчаянные, крики попавшего в капкан зверька. Егор прислонился плечом к стене, отвел глаза, смотрел на закопченный потолок и стену торгового зала. Все, можно уходить, он видел достаточно, и ничего нового для себя не узнал. Методы «гостей» везде одинаковы – что в горах, что в потонувших в хаосе безвластия городах, и тактика та же, с небольшими вариациями: обычно «молотову» бандиты предпочитают гранаты, но сути это не меняет. Вопрос в одном – что они тут забыли, вернее, что хотели найти? И уже понятно, что шли по наводке, кто-то подсказал, навел, шепнул на ухо – за мзду малую или вовсе уж бесценную по нынешним временам награду: банку тушенки или китайскую зажигалку.

Тонкий крик повторился, Егор снова посмотрел в ту сторону. «Гости» в камуфляже организованно покидали подъезд, первый тащил ворох какого-то барахла и довольно тяжелую на вид коробку, двое волокли за собой девчонок. Одной на вид было лет двенадцать, высокая, растрепанная, в синих джинсах и яркой куртке, она сопротивлялась из последних сил, упиралась, и, кажется, царапалась, но без толку. Извернулась немислимым образом и вцепилась зубами в сжимавшую ее запястье лапу боевика. Тот на ходу поднял зажатый в другой руке автомат и опустил приклад на голову девчонке. Легонько так, точно случайно уронил, но ей хватило – девчонке точно ноги подрубили, она свалилась на асфальт, боевик поднял ее, как котенка, и зашвырнул на заднее сиденье зеленого внедорожника. Вторую – сестру или подружку первой

– лет десяти иди немногим старше, в кислотно-зеленом комбезе, толкнули в черную машину и оказавшийся там первым боевик посадил девчонку себе на колени, зажав ей ладонью рот. Второй сел рядом, захлопнул дверь, и машины одна за другой покатали прочь, Егору показалось, что сквозь паскудную музыку снова донесся крик, но машины были уже далеко. Из окна второго этажа вырывалось пламя, летели горящие обрывки, к пасмурному небу поднимался черный дым, а упавший человек так и лежал на дорожке, светлая стена над его головой была покрыта бурыми пятнами.

Егор отвернулся, опустил пистолет. Вот все и разъяснилось, новые хозяева города забрали последнее, что оставалось у цеплявшейся за жизнь семьи. Девчонки поживут еще какое-то время, неделю или две, может, больше, может меньше, но лучше бы им было вообще на свет не родиться, оголодавшему зверью новые игрушки наскучат нескоро. А собакам и крысам день или два не придется драться за еду, всем хватит, даже воронам – их не пугал огонь и дым, две крупные черно-серые птицы уже приземлились на газоне и прыжками приближались к мертвецу.

Егор постоял еще немного, решив проскочить часть оставшегося пути под прикрытием стен и какой-никакой, но все же крыши над головой. Двинулся вперед, обошел опрокинутые стеллажи, шагнул к магазинной двери, оглядываясь в полумраке.

И сразу же напоролся. Вышел из-за выступа стены и чуть ли не нос к носу столкнулся с человеком, одетым, как и он сам – в камуфляжную полевку, высокие ботинки и просторную кожаную куртку сверху. Человек, по виду примерно ровесник, был высокий, с Егора ростом, поджарый, голову в натянутой на самые глаза темной шапке чуть наклонил вперед и смотрел исподлобья. Не оторопел, не шарахнулся обратно, остановился так, точно его в землю вкопали, правую согнутую в локте руку держит на уровне бедра, в ней Егор заметил пистолет. Их разделяло метра три, он поднял «макаров», но не целился, просто держал перед собой, замер в таком положении. А чужак стоял спокойно, подобрался, готовый к любым неожиданностям, к любому обороту дела, пистолет в его руке устоял на Егора черным зрачком. В полумраке они шупали друг друга взглядами, одновременно, синхронно пытались за секунды внести столько ясности, сколько возможно, понять встречного и выбрать тактику. «Еще один зритель – уверился Егор, – из местных. Тоже, видимо, мимо шел, когда шакалы налетели, и тоже отсидеться решил».

Нечаянное randevу напоминало встречу на узкой тропе двух зверей, одинаково сильных, ловких и безжалостных, и вовсе не настроенных драться просто так, ради самого процесса. Егор почти физически чувствовал, как в нем, в который раз за последние месяцы включились какие-то глубинные инстинкты, не имевшие ничего общего с интеллектом хомо сапиенса. Один господин ведает, как называлось то, что пролегло сейчас меж ними обоими, – то ли телепатия, то ли немалый жизненный опыт, помноженный на те самые обострившиеся у каждого звериные инстинкты. Егор ни за что не смог бы описать словами, как и почему он понял и почувствовал это, но совершенно точно знал, что случайный встречный сам не рад этакому вот тет-а-тету, что у него своих забот выше крыши, и он отнюдь не горит желанием устроить баталию неизвестно с кем. Патронов-то тоже, поди, кот наплакал, а девять грамм в блестящей гильзе сейчас дороже жизни, она-то как раз ничего не стоит, в отличие от свинца.

И медленно, очень медленно, держа палец на спусковом крючке, Егор сделал шагок в сторону. Точно так же поступил и чужак. Угроза слабела, в напряженной тишине, с оружием наизготовку они расходились плавными, осторожными шажками, будто перемещались по минному полю с многочисленными растяжками, и ожидая подвоха, и пытались как-то дать понять друг другу, что драться не собираются. Старались не всполошить резким движением, нечаянным взглядом. Разошлись, наконец. Егор медленно отступал влево, чужак вправо, расстояние меж ними росло. Не поворачиваясь спиной, не опуская оружия, оба убрались каждый в свою сторону, к своей двери – выдранной с корнем входной, и небольшой, в бывшей подсобке,

выводящей к тому самому забору. И потеряли друг друга из виду. Оказавшись на улице, Егор рванул со всех ног, бежал, не оглядываясь, глядя, главным образом себе под ноги и косился по сторонам, не упуская из виду ни одну тень, не сомневаясь, что чужак поступил так же. Сумерки сгущались, очертания домов без единого огонька в окнах стали вовсе уже нереальными, Егор слышал только звуки своих шагов и стук сердца, чувствовал, как медленно отпускает сумасшедшее напряжение.

Легко отделался, можно сказать, у таких встреч обычно один исход – в зависимости от своих навыков и умений одна из сторон переходит в категорию «двухсотый», выживший получает бонус: лишние сутки жизни. По-другому никак, ибо в этом мире уже давно нет людей, остались приматы, только предпочитающие белковую пищу, при случае не побрезгуют и себе подобными. Но как быстро, прошло-то всего ничего, меньше полугода с того дня, когда замолчали ТВ и радио, как из московских аэропортов взлетели последние самолеты, увозившие крупную и мелкую шушеру: депутатов, чиновников, банкиров, министров, их родственников и свиту прочь от скатившейся в бездну страны. Но предсказанный пророками конь бледный тут и не валялся, без него обошлось превосходнейшим образом. Да, в самом деле, сколько? Егор прикинул на ходу – получалось три с небольшим месяца, что прошли с августа, всегда несчастного, тяжелого, несущего с собой одни несчастья для России и угробившего ее наконец. Последнего мирного месяца их жизни, когда еще верилось, что все обойдется, что удержится ситуация, сохранятся стабильность и покой. Но просчитались. И произошло все не вдруг, не в один день, а назревало долго, как гнойник, и прорвалось, затопило под толщей грязи и крови. В августе, в том самом проклятом августе, а началось все гораздо раньше, накануне тех дней, когда он вернулся в свой родной город, где не был полтора десятка лет.

Сбитая ударом палки с пенька гадюка извивалась на траве, скручивала длинное, почти полуметровое тело, кольцами. Ее трехгранная голова с немигающими глазами двигалась в такт движениям прутика. Егор обошел гадину, остановился сбоку и прижал рогатиной шею змеи к траве. Черные кольца исчезли, гадюка вытянулась во всю длину, выгнулась над землей, черный острый хвост стегнул по высокому голенищу ботинка. Егор отбросил тонкую березовую ветку, наклонился, схватил змею за верхнюю часть шеи, оперев указательный палец в основание головы с раздвоенным белым языком. Гадюка билась в руке, изворачивалась, еле слышно шипела, и разевала нежно-розовую пасть с тонкими ядовитыми зубами.

– Рот закрой, – Егор рогатиной приоткрыл горловину белого пластикового мешка и швырнул гадюку в компанию полутора десятков пойманных часом ранее змей. Гадюка плюхнулась на тела собратьев, Егор встряхнул мешок, прикинул его вес в руке. Хватит или добавить туда еще парочку, «на всякий случай»? Привычка делать все основательно и с запасом взяла свое. Егор перенес мешок подальше от огромного, почти по пояс ему муравейника, бросил поклажу на выгоревшую к концу августа траву. Минут через пять в мешок отправился еще один аспид – неопасный, зато упитанный и юркий уж. Соплеменники встретили его дружным шипением и жутковатым сухим шорохом свившихся в клубок тел. Егор с мешком в руке перебрался через сухую валежину и медленно спускался к еле заметному на дне оврага ручью. Или лучше вернуться назад, к старой просеке? Там, стволах поваленных деревьев, оказался настоящий гадюшник. В погожий день конца лета твари выбрались погреться на солнышке, но оказались чуткими и проворными. Куда ни глянь, только и видишь, как мелькают стремительные черные полосы – тела, хвосты и головы расползающихся по укрытиям гадюк. Вот и пришлось столько времени провозиться – пока одну поймал, три сбегут. Еще бы парочку ужиков – и хватит. Может, их к воде в жару потянет... Охоту оборвал звонок мобильного. Егор взял рогатину под мышку и вытащил телефон из бокового кармана на штанине.

– Егор? – услышал он недовольное ворчание бригадира, – где тебя носит? Мы уезжаем, барахло твое в машине. Бегом давай, или пешком до города пойдешь... – дальше голос обо-

рвался, из трубки понеслось кваканье. Связь здесь и так была паршивой, вышка далеко, да тут еще и низина. Сырая и темная, ручей перегородили бревна, огромные, как сытые крокодилы, воды под ними почти не видно.

– Понял, я сейчас, – крикнул в трубку Егор, – не уезжайте! Минут пять еще или семь, я быстро!

Из телефона что-то квакнули в ответ, Егор нажал отбой, обмотал ладонь шуршащей пластиковой горловиной мешка и рванул вверх по склону, прочь от ручья. Через просеку, распугивая вернувшихся «позагорать» гадюк, мимо ельника и зарослей одичавшей малины хода до коттеджного поселка было ровно пять минут. Уазик Егор увидел издали, машина стояла за воротами ближайшего к лесу коттеджа, у открытой задней дверцы «козлика» курит Валерка, сын Виктора Петровича. Сам бригадир развалился на переднем сиденье, провел ладонью по вспотевшей лысине, глянул мельком на бегущего к машине Егора и отвернулся. Нервничает начальство, оно и понятно – почти три месяца даром отработали, весь сезон псу под хвост. А ведь как все хорошо начиналось – и работа, и сроки, и деньги хорошие, хозяин даже торговаться не стал. Теперь-то понятно, почему он таким стоворчивым оказался. Ничего, еще не вечер.

Валерка увидел Егора, махнул ему рукой и бросил окурок в залитую водой колею разбитого проселка.

– Поехали! – он устроился на водительском сиденье, потянулся ключом к замку зажигания.

– Погоди, – Егор остановился перед закрытыми воротами коттеджа.

– Чего ждать?! – проорал ему в спину Виктор Петрович, – ты и так с самого утра где-то шляешься, без тебя собирались! Надо было вещи твои там оставить! Вот я дурак, не догадался!

– Надо было, – не оборачиваясь, отозвался Егор, не обращая внимания на крик, в котором отчаяния было больше чем злости. Ничего, пусть орет, если ему от этого легче станет. А то как бы кондратий бригадира не хватил, зря он что ли вчера за сердце схватился, когда хозяин приехал. Да не один, а с табором гастарбайтеров с Ярославки и с охраной – парочкой прикормленных мордovorотов с жирными затылками. Егору сразу все понятно стало, он тут же инструмент собрал и в бытовку. А там уже новые жильцы – черные, мелкие с узкими блестящими глазками. Кое-как удалось договориться, что славяне съедут завтра, о деньгах речь вообще не шла. «Пошли вон» – и весь разговор, пять мигрантов дешевле одного русского обходятся. Ночевать мигрантам пришлось во дворе. Охранники засели в недостроенном коттедже, дежурили по очереди, заставляя вмиг озверевшие обе стороны соблюдать вооруженный нейтралитет. «Иностранцы» плевались и шипели не хуже гадюк, шабашники емко и доходчиво объясняли дикарям, в чем именно и почему те не правы. Успокоились все далеко за полночь, Егор собрал свои пожитки в рюкзак, подождал, пока все уснут, и с рассветом сбежал в лес. Думал, что обернется быстро, но не угадал, забрел сначала в болото, потом бродил в густом тумане, внимательно глядя под ноги, потом ждал, сидя на стволе поваленной ольхи, когда густая белесая мгла растает под лучами солнца. И вот стоит теперь перед наглухо закрытыми воротами коттеджа, хозяин которого должен ему денег. И неплохую сумму, между прочим, на эти деньги полгода запросто прожить можно, без роскоши и изысков, естественно. То есть, как обычно.

– Все, едем! – бригадир грохнул дверцей, двигатель «козлика» завелся и заурчал. Егор оторвался от созерцания глухой металлической створки, развернулся и подошел к машине. Виктор Петрович исподлобья воззрился на плотника своей бригады, дернул краем рта и пробормотал что-то невнятно. Задняя дверца приоткрылась, но Егор захлопнул ее и положил ладонь на край открытого окна.

– Погоди, Петрович, не торопись. Уехать всегда успеешь, – улыбнулся он, глядя на бледное, не смотря на жару, покрытое испариной лицо бригадира. Неважно он выглядит, как бы чего не вышло. И «скорая» сюда по ухабам не доберется, а до нее еще дозвониться надо. Вали-

дол, впрочем, есть, в кармане рюкзака, в комплекте с остальным джентльменским набором походной аптечки.

– Чего годить? – седые брови пожилого человека съехались к переносице, он снова провел рукой по лысине и вытер ладонь об джинсовую коленку.

– Тебе деньги нужны? – вкрадчиво спросил Егор.

– Всем нужны! – высказался с заднего сиденья черноволосый коротышка Серега, работавший до вчерашнего в бригаде каменщиком.

– Егор, ты не темни, а дело предлагай, – потребовал сидящий в обнимку с огромной клетчатой сумкой Толян, – или поехали. Достало все, – он выругался шепотом и завозился на сиденье, устраиваясь поудобнее. Дохлого Серегу вжало в дверцу, он дернулся недовольно, но промолчал, спорить с Толяном, весом почти в центнер, он не стал.

– Тогда ждите, – Егор встряхнул повисший мешок. «Как бы они там друг друга не сожрали» – но опасения были напрасными. Внутри все оживилось, зашипело, зашуршало, бригадир вздрогнул и уставился на белый узел в руке Егора.

– И сколько ждать? – уже с обычным ехидством недоверчиво поинтересовался он.

– Не знаю, – честно ответил Егор, – может час, а может и два. Как доедет.

– И деньги привезет? – это уже сунулся с вопросом Валерка, он вытягивал шею, пытаясь со своего места высмотреть, что там такое прячет за спину Егор.

– Обязательно. В клюве принесет, – Егор направился к воротам «замка». Цитадель и есть – дом трехэтажный, участок двадцать соток, и по периметру трехметровый забор из натурального камня. Вернее, забор только планировался, зато стройматериал для него был уже на месте. Егор взобрался на груды валунов, утвердился на ней, чтобы не съехать вниз в самый ответственный момент, поставил мешок рядом. Дверцы «козлика» дружно хлопнули, Егор покосился в сторону машины, усмехнулся. Так и есть, все тащатся сюда, вернее, тащится только Виктор Петрович, Валерка всех обогнал и лезет вверх по обломкам, Толян с Серегой топают следом.

– Ну, чего? – суетился подоспевший Валерка, – чего делать надо? Я же предлагал вчера пластмассовый шарик от подшипника в батарею закинуть или яйцо сырое проткнуть и в стену или потолок раствором закатать, но ты не захотел, – напомнил он фрагмент вчерашней дискуссии о способах мести зарвавшемуся заказчику.

– Тебе – ничего. Стой и смотри. Молча, – Егор приоткрыл мешок, опустил в него рога тину и поворошил содержимое. Оттуда зашипело, зашелестело, раздался негромкий шлепок, Егор выдернул из мешка палку, в ее «рогах» запуталась змея.

– Блин! – Валерка шарахнулся назад, оступился и грохнулся коленом о камень, взвыл от боли и вытаращил глаза.

– Не двигайся, – Егор коротко размахнулся, палку бросило вперед, змея сорвалась с «рогов» и улетела за панели профнастила, заменявшие собой забор. И приземлилась точно на крыше оккупированной мигрантами бытовки.

– Перелет, – Егор извлек из мешка следующую гадину и отправил ее в полет. Она шлепнулась точно перед дверью в вагончик, выгнулась, свилась в кольца и уползла под стену. Через несколько секунд рядом приземлилась еще одна, следом вторая, третья. Еще два аспиды рухнули на крышу бытовки, одна змеища шустро добралась до стены и поползла по ней вниз, вторая осталась лежать неподвижно. «Это я ей хребет случайно сломал» – Егор выудил из мешка следующую ползучую гадину и закинул во двор. Дверь вагончика приоткрылась, Егор увидел черноволосую, коротко стриженную голову мигранта и следующий «снаряд» метнул прицельно. Змея плюхнулась на щебенку перед входом в бытовку, дверь захлопнулась, но Егор успел расслышать крики и ругань.

– Охренеть! – веселился позади Серега, – молодец, классно ты их! Так вот, где тебя всю ночь носило! А я подумал...

– Что я по девкам пошел? Отойди-ка, – Егор перешагнул через здоровенный валун, извлек из мешка еще одну змею и закинул ее так далеко, как только смог – к крыльцу коттеджа, на внутренней отделке которого бригада вкалывала почти все лето. «Жива?» – Егор взглядом проследил полет гадюки и ее приземление. Все обошлось, гадина оказалась в отличной форме, извивалась на каменных плитах крыльца агрессивно и устрашающе. Выглянувший на шум охранник немедленно убрался за дверь, и, Егор был готов поставить свои последние деньги, уже названивал своему хозяину. Так, мол, и так, что-то змеи у нас с утра разлетались, к чему бы это?

– Да какие тут девки, – с тоской пробормотал Серега, – дома все пустые, нет никого, а до Ярославки топать три километра, и все лесом.

– А ты проверял? – ответа не последовало. Каменщик вздохнул и сбежал по валунам вниз, остановился рядом с повеселевшим бригадиром.

– Все пока, – крикнул ему Егор, – теперь надо ждать.

– Думаешь, приедет? – недоверчиво глянул на него бригадир.

– Куда он денется, – Егор уселся на теплый круглый булыжник, придавил камнем горловину мешка и глянул на наручные часы. Половина десятого утра, сегодня понедельник. Учтем время на дорогу и скоростной режим соображалки хозяина коттеджа. Часа полтора получается, не меньше. Ничего, мы подождем. Егор прикрыл глаза, уперся локтями в колени, положил подбородок на ладони. На вершине кургана из булыжников пахло мокрой травой, глиной и дымом сигарет. Серега с Валеркой курили в сторонке и по привычке ржали, Толян бухтел что-то неразборчиво, кажется, рассказывал анекдот или очередную байку из своей жизни шабашника с двадцатилетним стажем. Из открытых настежь дверей машины сначала доносилась музыка, потом ее оборвал экстренный выпуск новостей, уже третий за это утро. Диктор старательно скрывал волнение, повторил уже известное – попытка отрешения Президента России от должности провалилась, Дума не получила заключения Верховного Суда страны о наличии в действиях главы государства состава преступления. Депутаты трещали крыльями и спешно проводили перегруппировку, на ходу выдумывали для Президента новые обвинения в государственной измене. Неудивительно, что их так разобрало: после объявленной Президентом еще в апреле очередного крестового похода на коррупционеров и прочих заслуженных пыльщики бюджета слуги народа привычно взяли под козырек приготовились бороться сами с собой. Но тут вышла промашка, на оборзевших от безнаказанности чиновников самого высокого полета, олигархов, а также некоторых «сидельцев» обеих палат Федерального собрания спустили свору обученных ремеслу палача специалистов, или «исполнителей», как их моментально окрестили в народе.

Странные смерти следовали одна за другой, ежедневно из Москвы, из дальнего и ближнего зарубежья поступали новые сводки. Беглые и не покинувшие страну банкиры, чиновники, олигархи выпадали из окон своих пентхаусов, задыхались, подавившись фисташкой, самостоятельно пускали себе пулю в лоб, ложились на рельсы в состоянии алкогольного опьянения, вешались. А парочку господ настигла и вовсе уж экзотическая смерть: одного сожрали крокодилы в его собственном бассейне в Майами, второй стал жертвой маньяка, орудовавшего в лондонских предместьях, причем некоторые СМИ утверждали, что манера «работы» нового душегубца чертовски напоминает почерк незабвенного Джека Потрошителя. Родственники ушедших в мир иной быстренько отказывались от нажитой непосильным трудом недвижимости, счетов в банках небольших европейских стран и офшорах, «добровольно» отдавали бизнес под внешнее управление неприметным скучного вида товарищам из госструктур и растворялись среди родных осин, не помышляя о претензиях.

Депутаты, с рылом по колено в пушку, этакого окаянства, понятно дело, не вынесли, вскоре грянула ответка – инициировали процесс отрешения Президента России от должности. Обвинений нагородили столько, что хватило бы десятка на два-три «первых лиц», справедливых, надо сказать, обвинений, заслуженных и видимых всем и каждому невооруженным взгля-

дом. А ровно через сутки коллега инициаторов принимал ванну, но по чистой неосторожности утонул в собственном мраморном джакузи. Смерть соратника сплотила народных избранников, в Охотном ряду точно канализацию прорвало – президента не обвиняли пока только в одном: он ни разу не делал аборт, а так, выражаясь стилем дознавателей Тайной канцелярии «младенцев жрал и в жабу оборачивался, также иные непотребства творя». А федеральные ТВ и радио добросовестно держали уважаемых зрителей и слушателей в курсе последних событий. Вот диктор сейчас и старается, напускает туману, намекая на скорое появление в эфире новых подробностей очередного разоблачения, грозя прямыми включениями из потревоженного депутатского гадюшника в центре страны.

Егор прислушиваться перестал, устроился на камне поудобнее, оглянулся на шорохи за спиной. Виктор Петрович потоптался у подножья насыпи, проворчал что-то себе под нос и ловко полез вверх, уселся рядом с Егором.

– Что дальше делать будешь? – Егор, не открывая глаза, пожал плечами. Говорить не хотелось, да и разморило на солнышке. Бессонная ночь сказывалась – они-то дрыхли, пока он по полям и лесам сайгачил. Но Петрович не отвяжется, да и зачем обижать хорошего человека? Ведь он единственным оказался, кто взял в свою бригаду незнакомого человека, когда остальные с полуслова бортанули. А одиночек, даже с золотыми руками, заказчики не любят, стараются с такими не связываться.

– Не знаю, – повторил Егор, встряхнулся и посмотрел на бригадира. Лицо того порозовело, испарины на лысине нет, зато в глазах – прежнее ехидство и вопрос: «Получится или нет?». От ответа зависела жизнь не только пятерых человек, но и их семей. Не считая Егора – уже больше года он отвечал только за себя.

– Тоже мне, проблема. Отсюда выкинули – я на Ярославку пойду, на обочине встану, – усмехнулся Егор.

– На Ярославку? На тебя спроса не будет, там девки монополию держат, – фыркнул бригадир.

– Да нет, ты не понял. Я мигрантам конкуренцию составить смогу, – пояснил Егор, – и возьму недорого.

– Побьют, – с сомнением в голосе отозвался бригадир.

– Руки короткие. Да не переживай ты, Виктор Петрович, нормально все будет. Купишь ты жене новую шубу, – Егор поднялся на ноги и осмотрелся по сторонам. Во дворе коттеджа пусто, «иностранцы» орут что-то, не по-русски, впрочем, матюки преобладают, так что и без перевода все понятно.

– Испугались! – злорадно себе под нос пробормотал Егор и посмотрел на часы. Отлично, заказчик им попался понятливый и расторопный. Еще и часа не прошло, а он уже здесь, летит на всех парах, да так, что комья грязи из-под колес во все стороны летят.

– Еще чего, перебьется, – проворчал за спиной бригадир.

«Вот и я так думаю» Егор подтянул ремень на штанах расцветки «флора» и снова взялся за мешок. Бригадир поднялся на ноги, хлопнул Егора по плечу и, балансируя расставленными руками, кое-как сполз по камням вниз, заковылял к «уазику».

После вчерашнего дождя в грязи недостатка не было, и белоснежный китайский «паркетник» засел в колею надежнее и основательнее. Поревел движком, подергался вперед-назад и успокоился. Зрители у «козлика» не торопились, они дождались, пока «китаец» завязнет окончательно и водитель – высокий, заплывший жиром боров – выберется на дорогу. Тот суетливо выпрыгнул в лужу, матюгнувшись от души, посмотрел на свои заляпанные грязью светлые брючки и аккуратно, ступая на носки, направился к «уазику». Егор проследил, как Виктор Петрович под прикрытием Сереги и Толяна подходит к взволнованному заказчику, краем глаза он успел заметить, как Валерка вытащил что-то из баула, с которым недавно обнимал Толян и пропал из виду. Следить за мальчишкой было некогда, дверь бытовки приоткрылась, и Егор отвлекся.

Соскучившиеся в темноте и духоте змеи набросились на рогатину, Егор осторожно вытащил палку из мешка и во двор полетели сразу две черных, лоснящихся твари. Дверца мигом захлопнулась, Егор заметил в окне смуглое с узкими черными глазенками лицо мигранта, усмехнулся и вдохнул теплый влажный воздух. К утренней жаре прибавилась духота, небо заволокли тучи и начал накрапывать дождик. Самая гадючья погода – дышать нечем, давление падает куда-то ниже плинтуса, в голове мутно и клонит в сон, да так, что, кажется, уснешь как лошадь – стоя. Хорошо, что оппонент понятливый попался и сговорчивый, орать начал уже издалека, глядя одновременно себе под ноги и на Егора. Тот засунул руки в карманы штанов, прижал мешок подошвой ботинка к булыжнику и слушал покаянную речь заказчика.

– Сколько я вам должен? – от быстрой ходьбы по пересеченной местности заказчик тяжело дышал, его белая рубашка с короткими рукавами вымокла от пота и мелкого дождя, узел бордовой «селедки» съехал к плечу, светлые брючины до колен покрывали брызги грязи. Он наклонился, потянулся к траве, чтобы сорвать пучок и вытереть им перемазанные в мокрой глине ботинки, но помешало перевесившееся через ремень штанов брюхо. Хозяин недостроенного коттеджа ругнулся и растегнул «молнию» на барсетке. Егор пошуровал рогатиной в мешке, распахнул его пошире, высматривая в мешанине черных длинных тел змеиную голову с желтыми или белыми пятнами по бокам. Ужа удалось подцепить только с третьей попытки, змейка плюхнулась на булыжник у подножья груды валунов и шустро уползла в щель между камней. Заказчик выругался испуганно, попятился и врезался задом в заляпанный свежей грязью передний бампер «козлика».

Процесс подсчета и передачи денег не позволял отвлечься ни на секунду, Егор с вершины кургана следил и за разборками возле «уазика» и за движухой во дворе. Еще пара гадин шлепнулась посреди двора и расползлись кто куда, когда, наконец, все закончилось. Бригадир убрал деньги в карман выцветшей, похожей на «разгрузку» жилетки и махнул Егору рукой – нормально все, можно закругляться. Заказчик метнулся к воротам своего особняка, одновременно выкрикивая в телефон приказы и распоряжения.

– Все, последняя, – Егор расстался со змеей почти с сожалением. Гадюка, поддетая на рогатину, отправилась в полет вместе с мешком, и плюхнулась на щебенку, немного не долетев до бытовки. Егор отшвырнул рогатину, слетел по груде булыжника вниз и рванул к машине. Толян и Серега уже уселись на свои места, Егор захлопнул заднюю дверцу «козлика» и обернулся на шум. Довольный, как объевшийся сметаны кот, Валерка несся по кочкам прочь от машины заказчика, промчался мимо Егора и плюхнулся на водительское сиденье.

– Погнали, – Егор едва успел сдвинуть вбок пухлого Толяна и примоститься рядом с ним. «Уазик» прыгнул с места и покатил по полю, объезжая и колеи, и лужи, и засеивший в глине «паркетник».

– Эй, куда? – Егор высунулся в окно. Ворота коттеджа были уже открыты, но заказчик внутрь не торопился. Вернее, опасался, и правильно делал. Во дворе, насколько успел рассмотреть Егор, до сих пор не было ни души.

– Не бойсь, там только ужи и медянки, они не ядовитые! – проорал он напоследок, – а если что – зараза к заразе не пристаёт! – И под довольный гогот «подельников» спрятался от дождя в машине.

– Правда, не ядовитые? – в зеркале заднего вида Егор увидел зеленые, как у отца, под мокрой челкой глаза Валерки.

– Не все, – уклончиво ответил он, – я точно не помню.

– А если? – это отвлекся от пересчета купюр бригадир.

– А если – то все равно ничего страшного, – отозвался Егор, – гадючий яд разрушающе действует на ткани и парализует нервную систему. Все это сопровождается сильной болью, жаром в сочетании с холодным потом, тошнотой, рвотой, мышечной слабостью, сонливостью. Страшно, но не смертельно. Случаи гибели взрослых от укусов гадюк единичны. Летальный

исход возможен, если змея укусила в шею: чем ближе к голове, тем опаснее, но в основном пострадавшие выздоравливают через два-три дня. Разберутся, – усмехнулся он и тут же добил ошарашенного Валерку вопросом:

– Ты мне лучше скажи, что ты у его машины делал?

– Я? – почти искренне изумился тот, выкручивая руль, – я ничего, я посмотреть...

Бригадир молча толкнул локтем сына под ребро, тот охнул, скривился на правый бок и раскололся:

– Баллон «пенофлекса» гвоздем проткнул и в салон бросил.

Сергея, Толян и Егор переглянулись и дружно захохотали.

– Террорист, – проворчал Виктор Петрович, – пороть тебя некому. Вот в армию отдам, тогда узнаешь...

Валерка поднял плечи и вцепился в руль: разговоры о службе в Вооруженных силах наводили на него тоску и ужас, а бегать от почетной обязанности ему предстояло еще почти три года.

– А ты где так со змеями научился? – оторвавшись, спросил Толян, – и не страшно? Она же броситься может. И укусить.

– Может, – нехотя ответил Егор, – броситься может. На половину или треть длины своего тела. И то, если на нее наступишь, особенно в лесах Средней полосы. Под ноги надо смотреть, и ничего с тобой не будет. А научился, когда в лесу жил, почти год.

– И что, вот так целый год совсем один? – почти хором спросили Сергей и Толян, и Егор снова поймал на себе испугом и удивленным взглядом Валерки. Понятно, ляпнул сгоряча не по делу и теперь от ответа не уйти, придется выкручиваться.

– Не один, – принялся на ходу сочинять он, – нас там целая толпа была. У меня был верный друг и спутник – хромой, на костыле заяц, слепой волк – который прекрасно обходится запахом и слухом, мы с ним на охоту ходили. Еще был однокрылый селезень – вечно взбешенное, озлобленное на весь мир существо. Безвылазно шатался по двору, злобно крикая на всех. И только со мной был ласков и нежен. Изрешеченный пулями браконьеров лось – задумчивый, загадочный, добровольно взваливший на себя обязанности лошади. И еще белочка, зимой прибилась, ей жить негде было, – здесь слушатели, наконец, поняли, что им вешают лапшу на уши.

– Белочка случайно не зелененькая такая? С рожками? – с широкой улыбкой уточнил Сергей и пошевелил над прилизанной макушкой Толяна двумя грязными пальцами.

– Нет, обычная. С ушками и пушистым хвостиком. Я ж с горя не пью, только на радостях, – ответил Егор и уставился в окно. Кажется, удалось свети все к шутке, его правильно поняли и больше лезть с расспросами не будут. Очень хочется в это верить. Вспоминать тринадцать месяцев своего вынужденного отшельничества Егор не любил, считал это время вычеркнутым из жизни. Сразу всплывали в памяти все причины, и все, что произошло перед этим, подкатывал к горлу комок желчи, и появлялось страстное желание вымыть руки. Он очень хорошо помнил, как возвращался из поездки за продуктами в ближайший очаг цивилизации – небольшую деревню – обратно, в свое логово. Голоса людей, шум двигателя автолавки, звонки мобильных, музыка, запахи дыма, человеческого жилья – все исчезает постепенно, пропадает за спиной, и становится так тихо, словно ДГЗ в лес закрыли. Теперь позади хоть Третья мировая война начнись, хоть потоп, хоть вторжение инопланетян – он об этом узнает только через неделю, если вообще узнает. В старом доме только радио, да и то одну станцию ловит и не каждый день – но и на том спасибо, этой малости хватило, чтобы в конце не одичать.

– Понятно. Сейчас мы тебя и проверим. А то за три месяца – ни капли, где это видано, – постановил с переднего сиденья бригадир.

Удачное окончание сезона отмечали в гараже Егора. Кирпичное строение досталось ему по наследству от родителей. По дороге заехали в магазин, взяли, как полагается, добрались до

гаража и расселись, кто где. Не наливали только Валерке, свалив на него вдобавок обязанности официанта. Процесс начал Виктор Петрович, сразу после подсчета и раздачи каждому его доли. Валерка наелся консервов и слонялся по гаражу, слазил зачем-то в погреб и выбрался оттуда весь в плесени и паутине.

– Бардак тут у тебя, – глядя на сына, сделал вывод бригадир.

– Да, – легко согласился Егор, – бардак. И черт с ним, мне нравится. Мой гараж, что хочу, то и делаю.

– Ну, да, ну, да, – согласился Виктор Петрович, отставил в сторону пустой пластиковый стаканчик, сполз со слесарного верстака и побрел на обход. В погреб, правда, не полез, поостерегся, загнал туда сына, вручив ему фонарь. Валерка, послушно, как маяк, светил лучом во все углы и подробно докладывал, что видит, из чего это сделано и чем пахнет.

– Продашь? – минут через двадцать вкрадчиво поинтересовался бригадир у Егора, – я вторую машину брать хочу, сыну, а ставить некуда. Соглашайся, тебе-то гараж все равно ни к чему. Да и крыша подтекает, – как бы невзначай заметил он.

– Знаю, – признался Егор, – течет. Зато тут отопление есть, зимой включают. Всегда включали, – добавил он, припоминая, когда был у себя в гараже зимой в последний раз. Получалось, что давненько, то ли перед окончанием училища, то ли сразу после. Машину-то сразу после гибели отца продали, гараж уже тогда пустой был. Матери в нем что-то понадобилось, калитку от снега еще откапывать пришлось. А бригадир не отставал:

– Отопление – это хорошо. Но ты не торопись, подумай, – вполголоса предложил он Егору, – телефончик мой у тебя есть, и время – месяца полтора – тоже.

Предложение казалось заманчивым, Егор осматривал в полумраке свои владения – да, Петрович прав, эту рухлядь надо продавать, и поскорее, иначе через год-другой здесь останется только груда кирпича, прикрытая шифером. Но вот так, в одночасье расстаться с родительским имуществом Егор пока был не готов.

– Подумаю, – уклончиво ответил он, бригадир кивнул в ответ и вышел из гаража. Следом потянулись остальные, уселись в «уазик», трезвый Валерка завел двигатель.

– Тебя подвезти? – крикнул он Егору. Тот помотал головой и привалился спиной к створке ворот, чтобы не потерять равновесие.

– Сам дойду! – крикнул он, махнул на прощанье бригаде рукой и смотрел «уазик» вслед, пока машина не скрылась под горкой. Все, лето закончилось, а с ним и сезон, надо думать, что делать дальше. Денег хватит на полгода или даже меньше, рассиживаться некогда. Но сейчас голова вообще не варит, и спать охота.

– Завтра, я подумаю об этом завтра, – Егор перешагнул через высокий порог калитки, собрал в пакет пустые бутылки, грязные одноразовые тарелки и стаканы и захлопнул крышку погреба. Но пред этим успел услышать внизу тонкий писк. «Крысы. Или мыши. Или и то и другое сразу. Что они там едят, интересно? Друг друга? Там же нет ничего, только плесень на стенах» – раздумывать об особенностях диеты грызунов не хотелось, мысли путались, ноги и руки тоже. Егор закрыл гараж, добрел до ближайшей помойки и швырнул пакет с мусором в контейнер. Все, теперь домой, отмываться и спать, до завтрашнего дня, не меньше. Егор перешел дорогу и шел вдоль пятиэтажек, внимательно глядя на асфальт под ногами. «На радостях» получилось неслабо, да еще и после бессонной ночи, скачек по лесу и на пустой желудок. И погода к обеду разгулялась, солнышко голову печет, хорошо, что гараж от дома недалеко, минут десять ходьбы, осталось только заброшенный детский садик обойти и забор недостроя. А вон и дом родной, издалека виден, блочная пятиэтажка грязно-желтого цвета и окна родительской «двушки» на четвертом этаже. Егор посмотрел на криво задернутые шторы и заваленные бархлам подоконники. Давно надо было все повыкидывать, да руки не доходят. Но теперь-то времени полно, можно и порядок навести.

От резкого гудка в спину Егор шархнулся в сторону, оступился, задел носком ботинка высокий новый бордюр и грохнулся на газон, врезавшись локтем в острый обломок. От боли на мгновение потемнело перед глазами, сквозь легкую дымку Егор увидел проехавшую мимо тонированную «бэу». Машина проплыла мимо, с немзыкальным ревом и звоном, рвущимся через закрытые окна. «Не оглохни там» – Егор схватился за ушибленное место, сел на траву и вывернул руку. Вроде, ничего страшного, только кожу ободрал, но это ерунда.

– Понаставят тут, – пробормотал он и потянулся за отлетевшим к кустам черноплодки рюкзаком, – людям пройти негде... – и осекся, вцепившись в брезентовую лямку, уставился прямо перед собой. Взгляд приковали к себе две тонких – двумя пальцами обхватишь – загорелых щиколотки, и все, что находилось выше и ниже. Темно-серая юбка с завязками на подоле заканчивалась над круглыми коленками, веревки свисали почти до оплетавших икры белых ремней босоножек на высокой платформе. Девушка тоже пропустила машину, она успела отойти к подъезду, и теперь вернулась на дорогу. Но остановилась, и копалась в белой сумке, морщилась недовольно, не в силах добраться до орущего мобильника.

– Сейчас, подожди, – негромко проговорила она, поставила сумку на траву, присела на корточки и встретила взглядом с Егором.

– Привет, – улыбнулся тот, девушка кивнула в ответ, вытащила со дна сумки «раскладушку» вскочила на ноги и отвернулась.

– Привет! – крикнула она в трубку, – да, домой иду! Да, уже пришла! Хорошо, приезжай. Во сколько? Ладно, жду. Ужинать будешь? Что тебе приготовить? Хорошо, сейчас в магазин зайду. Хорошо, не забуду, – она улыбнулась телефону, подхватила сумку и бросила в нее мобильник.

Егор посмотрел вправо, влево, потом вверх, на окна своей квартиры, но взгляд упорно возвращался к тонким завязкам, при каждом движении девушки касавшимся ее гладкой загорелой кожи. «Я ее помню, она, кажется, в соседнем доме живет» – рассудочная деятельность возобладала над эмоциями и выдала первый результат наблюдений – «ее, вроде, Ольга, зовут». Дальше мысль терялась, разбивалась о незыблемое правило – есть загар, должны быть белые полоски. Хоть сейчас их и не видно под одеждой, но они есть. Это не теорема, это аксиома, ее и доказывать не надо, хоть и процесс доказательства чертовски увлекателен, и может затянуться не на один час.

От голоса девушки, равнодушно-вежливого, с едва заметной иронией, Егор встряхнулся, подтянул к себе рюкзак и обхватил руками колени.

– Привет, – повторила Ольга, продолжая улыбаться, – ты чего тут разлегся? Загораешь? – и одернула край белой футболки, едва прикрывавшей пояс юбки.

– Нет, просто сижу, отдыхаю, – выдал Егор первое, что пришло ему в голову.

– Ну, сиди, – Ольга застегнула «молнию» на сумке, намотала длинный ремень на ладонь, – не усни только. А то кто-нибудь полицию вызовет и тебя как бомжа заберут.

«Как бомжа?» – его словно ударили по лицу. Егор посмотрел на себя – ботинки покрыты засохшей грязью и ржавыми разводами болотной воды, штаны тоже перемазаны, от футболки несет псиной и конюшной одновременно. И свежачком после банкета в гараже пахнет, не сильно, но отчетливо.

– Да я с работы, – зачем-то начал оправдываться он, – всю ночь не спали.

– Это ты кому-нибудь другому рассказывать будешь, – отозвалась Ольга и пошла по дороге к своему дому.

Егор кое-как поднялся на ноги, оперся ладонью о ствол липы.

– погоди, да стой ты! – крикнул он вслед девушке. Она обернулась на ходу, их взгляды снова встретились.

– Ну, что еще? – спросила Ольга, – мне домой надо, я спешу.

– Да, я понял. Слушай, я к тебе зайду, попозже? Завтра там, или послезавтра? Посидим, чайку поьем, – голос подвел, старая липа тоже. Ее ствол выгнулся дугой, качнулся в сторону, и Егор едва не упал, но кое-как удержался на ногах. Ольга улыбнулась в ответ, подошла к Егору, остановилась напротив. Он только сейчас увидел, что она высокая, почти одного роста с ним, а при улыбке на правой щеке у нее появляется ямочка. Ольга улыбнулась еще шире и, глядя Егору в глаза, произнесла негромко:

– Конечно, заходи. В голодный год с мешком картошки. Рада буду тебя видеть. Только отмыться сначала не забудь. – Улыбка исчезла, Ольга отвернулась, махнула длинными, собранными на затылке в хвост, волосами, и зашагала прочь.

«При чем здесь картошка?» – смысл сказанного дошел до него, когда Ольга уже скрылась за дверью своего подъезда. Но орать, и объяснять что-либо было поздно, осталось только подобрать брошенный рюкзак и ковылять к своей квартире. Вот зараза, с кем это она, интересно, по телефону договаривалась? И голосок бархатный был, нежный, как у Светки, когда она со своими хабибами трепалась. Он и сам один раз то ли с очередным ее Махмудом, то ли с Саидом поговорил, на смеси русского народного и турецкого. Хорошо поговорил, продуктивно. Много нового о своей жене узнал, нового и неожиданного. Да с такими подробностями, что чуть в ванную не рванул, чтобы в кипятке отмыться. С того разговора все и покатилося: скандалы, крики, ссоры – счастливая семейная жизнь забила ключом. Развод вытянул силы и нервы у обоих, длился долго, несмотря на то, что детей не было, постоянно находилось множество мелких препятствий. Бывшая жена позвонила Егору только один раз, спокойно и деловито сообщила, что теперь и официально они друг другу никто. Но Егору было уже все равно. Развод, закрытие и расформирование Управления – все свалилось на него одновременно, на то, чтобы одуматься и придти в себя ему понадобилось больше года добровольного отшельничества. И вот пожалуйста, снова-здорово. И эта туда же. Тоже, наверное, в Турцию таскалась, к аниматорам. Они наших дур любят, даже замуж берут – на пару месяцев, пока очередная русская «жена» не надоест. Светке теща с тестем путевки покупали: «Светочке надо отдохнуть, ты же не хочешь ехать с ней вместе.» Ага, вместе. Из командировки в командировку, на черные хари любоваться.

«Надо было денег ей предложить. Сразу не сообразил» – Егор плелся вверх по лестнице на четвертый этаж – «я еще ни одной не видел, чтобы от денег отказалась» – Егор замедлил шаг, принялся. Так и есть, с площадки снова несет гнилью и тухлятиной.

– Достали! – проворчал он себе под нос, – заколебала меня эта скотобаза, мать их, – он поднялся еще на один этаж вверх. Так и есть, площадка у квартиры напротив завалена мешками с мусором, из-под них на полу набежала зловонная лужа, над ней вьются мухи. Соседи – безумная, фанатичного вида семейка – только и делала, что целыми днями производила отходы, на площадке появлялись лишь пищевые, но Егора не покидало предчувствие, что это только пока. Он глубоко вдохнул, повернул ключ в замке, ввалился в свою квартиру и захлопнул дверь. Все, дошел, можно расслабиться. Он бросил рюкзак на пол, разулся и прошел в кухню. Сейчас чайку поставим, потом в ванную и спать...

Автоматический поджиг горелки не работал, Егор, как ни старался, не сумел добыть ни единой искры. Пришлось доставать спички и зажигать огонь по старинке. На этом все закончилось – из благ цивилизации в квартире был только газ. Электричество, горячая и холодная вода отсутствовали – краны плевались ржавчиной и шипели, лампочки не загорались, в ванной было темно и холодно.

– Суки, – выдохнул Егор, грохнул на плиту пустой чайник и поплелся в комнату. Стащил с себя в коридоре грязную одежду и плюхнулся на диван. Но уснуть сразу не получилось, с лестничной площадки в квартиру просачивался мерзкий запах от гниющего мусора.

– Ненавижу, – пробормотал Егор, обхватил обеими руками подушку и уткнулся в нее носом. Это не помогло, он покрутился еще минут пятнадцать, поднялся и вышел в лоджию,

уселся на старую табуретку и посмотрел во двор. К соседнему дому подъехала красная «мазда», остановилась у среднего подъезда. Из машины выбрался нескладный высокий блондин в обтягивающих голубых джинсиках и светлой рубашке под ремень. Одно плечо у блондина было выше другого, при ходьбе он клонился на правый бок и прижимал локтем к ребрам коричневый портфель. Мужчинка закрыл машину, обошел свое сокровище, пнул по заднему колесу острым носком блестящих штиблет и вразвалочку направился к подъезду.

– Тьфу на тебя, – проводил его Егор, вернулся в квартиру, открыл настежь все окна и улегся на диван. Проснулся он посреди ночи – во всей квартире горел свет, из кранов бодро лилась вода. Очередной коммунальный армагеддон благополучно завершился, выжившие, получив дополнительные баллы к опыту и броне, перешли на следующий уровень. Горячий душ так и не состоялся, в половине второго ночи пришлось довольствоваться ледяной водой. «Раз течет – значит, теплая» – подбодрил себя Егор и кое-как привел себя в порядок, потом с полной чашкой чая вышел в лоджию подышать воздухом. «Мазды» у соседнего подъезда не было, во всем доме горели только два окна. Уличное освещение традиционно не работало, и на черном низком небе прямо над головой сияли огромные августовские звезды. Егор мигом нашел обеих Медведиц и даже, прищурившись, разглядел двойную звезду в ручке ковша Большой, допил чай, бросил пустую чашку в мойку и отправился досыпать.

Остатки алкоголя в организме победила физическая нагрузка, Егор с утра устроил себе пробежку, потом заплыв. Вода в проточном озере была уже по-осеннему холодной, и кроме него других экстремалов не нашлось. Пронеслись по берегу собачники с разномастным зверьем на поводках, прошли, прогуливаясь, две пенсионерки – вот и вся публика. На бегу думалось особенно хорошо, просветленную голову посещали мысли исключительно светлые и здравые, и все, как на заказ, о будущем. Вернее, о работе, о способе добычи средств к существованию. Досрочно уволенному из рядов Вооруженных сил пенсия не полагалась, а работы в небольшом городке в ста километрах от мегаполиса не было. Никакой. Вообще. Ни для кого, кроме торгашей. Две трети взрослого населения города ежедневно по три-четыре часа проводили в электричках – именно столько времени занимала дорога до Москвы и обратно. Остальные – пенсионеры и безработные – копались в огородах, смотрели телевизор и пили. Так что выбор невелик – либо пополнить собой толпу тех, кто ежедневно пять дней в неделю мотался на заработки в мегаполис, либо искать работу рядом с домом. Эта попытка вчера провалилась, оставался еще один путь – устроиться охранником, два через два, очень удобно. Но сама мысль об этом была настолько отвратительно, что из двух зол – преподавать ОБЖ или идти в холопы в качестве сторожа – Егор без колебаний выбрал первое. Объявление «требуется преподаватель основ безопасности жизнедеятельности» мелькало в местной газете уже давно.

– Схожу, рискну здоровьем, – постановил он сам себе, вытерся после заплыва прихваченным из дому полотенцем и рысцой побежал вверх по откосу к домам.

Разговора не получилось. Мелкая, злобная директриса улыбалась посетителю, смерила его оценивающим взглядом с головы до ног, оскалила острые желтые зубки и прищурила и без того крохотные мутно-зеленого цвета глазенки. Она сквозь зубы предложила ему присесть, костлявой лапкой подгрести к себе документы Егора, тщательно изучила их, близко поднося к носу, словно обнюхивала. Егор молча терпел ее выходки – его речь оборвали в самом начале, не дав произнести ни слова.

– А скажите-ка мне, Егор Сергеевич, чем вы занимались по вашему последнему месту работы, – пропищала директриса и устала на сидящего напротив соискателя на должность преподавателя ОБЖ.

– Методички составлял, нормативы разрабатывал, рекомендации, собирал и анализировал сведения и результаты исследований других отделов, – начал перечислять Егор свои должностные обязанности в несуществующем ныне Управлении. Директриса заулыбалась мерзко, только что не захихикала и заявила:

– Нет, Егор Сергеевич, к сожалению, я ничем помочь вам не могу. Нам нужен специалист с педагогическим образованием. А у вас, – короткий палец с длинным острым ногтем ткнулся в строку в военном билете, – только высшее военно-политическое общевоинское училище. И все! Все, понимаете? А методички ваши, нормативы – они вообще ни к чему. Для преподавателя ОБЖ этого недостаточно. Как вы с детьми работать будете? Чему вы их научите? У нас программа повышенной сложности с этого года вводится. Нет, нет, – повторила она, и оттолкнула документы подальше от себя, – вы нам не подходите. Да и не справитесь, в конце концов.

Все, концерт окончен. Егор собрал свои документы, попрощался с теткой и покинул кабинет, почти бегом направился на первый этаж. Проскочил мимо полусонного пенсионера-охранника – дед даже не успел понять, в чем дело, крикнул что-то вслед, но Егор был уже на крыльце. И тут же спохватился – хотел ведь заодно пойти посмотреть свой класс, но с расстройства обо всем забыл. И возвращаться нельзя – опомнившийся сторож тревожно выглядывал из-за стекла входных дверей. «Не справитесь!» – вспомнил Егор слова директрисы. «А хрыч этот, интересно, как справляется? Спит ведь в хомуте, охранник хренов». Конечно, куда ему справиться, к тридцати семи годам всего-то опыта и набралось – сначала училище, потом работа в Управлении с двухлетним перерывом на Балканы.

Егор сбежал по широким ступеням с крыльца и пошел прочь от школы. Он только сейчас в красках представил себе свою «педагогическую» деятельность. Дети – это ладно, это полбеды, но вот этот скалящийся тощий карлик в роли начальника... «Слава те, Господи, – крутилось в голове – я бы там все равно долго не выдержал. Убил бы ее, а труп спрятал» – Егор усмехнулся своим мыслям. Так, еще один пункт можно смело вычеркивать из списка. Вслед за попыткой устроиться в МЧС – туда не взяли по состоянию здоровья. Три ранения – свободны, молодой человек, нам такие не нужны. Это было... Так, когда он туда ходил? Егор замедлил шаг, пошел тише. Ну, да, месяца полтора назад, еще отпрашиваться тогда у Виктора Петровича пришлось. Плохи дела, ему так долго не протянуть. Вырванных у заказчика денег надолго не хватит, только за коммуналку по три тысячи в месяц отдавать приходится.

– Егор! Егор Архипов! Стой, не слышишь что ли?! – Егор обернулся на крик. Из оставившегося у обочины темно-синей «Тойоты» кто-то махал ему рукой через открытое окно. Егор сделал несколько шагов вперед, чуть прищурился. С водительского места выбрался человек, облокотился на сияющую крышу машины.

– Леха, ты? Сколько лет! – Егор узнал кричавшего – это был его старый школьный приятель из параллельного класса – Титов Алексей.

– Да уж, давненько! Как жизнь, как сам? – поинтересовался тот, и по тону Егор понял, что спрашивают его действительно искренне, а не из дежурной вежливости.

– Нормально все, жив – здоров. Ты как? – отчитался перед старинным приятелем Егор, рассматривая Титова. Тот почти не изменился – такой же худой и длинный, сутулится по-прежнему, только лысина в полголовы появилась, морщины у глаз, и взгляд оценивающий. А улыбается так же, как и тогда, в прошлой жизни.

– Да тоже ничего, помаленьку. Женился вот второй раз, дом построил, работаю. Ты где сейчас? – спросил Титов.

– Да нигде пока, – честно ответил Егор, – а ты?

– Я в городской администрации, начальник отдела жизнеобеспечения, – добавив в голос нотку значимости, похвастался Титов, и тут же добавил:

– Если хочешь, могу с работой помочь. Ты же служил, вроде?

– Ну, да, было дело, – нехотя ответил Егор, – Два с половиной года. Потом работал.

– А где, кем? – продолжал наседавать Титов.

– Старший инструктор учебно-методического отделения специального центра, – отчеканил Егор и улыбнулся воспоминаниям. И методички там были, и нормативы, и еще много чего, о чем болтать подписка не позволяет. Да и кому это интересно...

– А чего ушел? До пенсии-то немного оставалось, – удивился Титов, заметив ухмылку собеседника.

– Сокращение, – кратко объяснил Егор, – Управление расформировали, здание попам отдали. Реституция церковного имущества.

– Понятно. Ладно, придумаем что-нибудь. Номер мой запиши, – Егор забил в память своего мобильного длинный ряд цифр, нажал вызов и тут же сбросил. Потом взял протянутую ему визитку.

– Или зайди ко мне через недельку, – напутствовал его Титов, – кабинет двести двенадцать, на втором этаже. Я обычно после обеда на месте.

– Спасибо, – Егор вертел в пальцах кусочек картона, – позвоню. Или зайду.

Но Титов чего-то медлил, оглянулся как-то уж вовсе подозрительно, поманил Егора пальцем к себе. И когда тот приблизился, перегнувшись через крышу «тойоты», зашептал горячо:

– Слышал, что вчера было? На вокзале?

Егор честно помотал головой, демонстрируя свое полное неведение. Титов только того и ждал, многозначительно дернул бровями и принялся выкладывать свежие новости:

– В три часа утра сигнализация в аптеке сработала, по вызову сразу наряд полиции выехал, два молодых сотрудника – старший полицейский группы задержания и полицейский-водитель, сержант. Бронежилеты и каски не надевали, к столкновению готовы не были. Один вышел из машины и был убит на улице, второй застрелен в машине. Огонь велся из гладкоствола с небольшого расстояния, вроде как с трех точек, но точно кроме представителей следствия, никто ничего не знает. Забрали АКСУ и два «макарова». Я сводку прочитал – обалдел, – все тем же проникновенным шепотом поделился Титов, – в новостях полный молчок, понятное дело ты тоже помалкивай. Ситуация, сам видишь, какая, это я тебе все как старому другу.

Конечно, молчок, да и говорить-то некому. А вообще, если Титов все правильно понял, то все, им сказанное, смахивает на засаду для завладения оружием. Да чего там «похоже», засада это и была, самая настоящая, кто-то дальновидный подсуетился, накрепко усвоивший старинную мудрость народа, хватанувшего лиха на пять поколений вперед: «патроны есть – еда найдется». С «калашом» и «макаровым» к нему в придачу кусок хлеба с маслом гарантирован.

– Все, до связи. – Титов сел в машину, завел двигатель, Егор отступил назад и посмотрел приятелю вслед, рассматривал «Тойоту». Иномарка – так себе – не из дешевых, но и не дорогая, зато новая. Хорошо устроился Титов, молодец. Машина, квартира, должность, дом. Дом. Дача. Конечно, дача! А ведь он там еще ни разу после возвращения домой не был. Неудивительно, в поселке зимой делать нечего, а летом по чужим стройкам мотался, деньги зарабатывал. Ничего, завтра же все поправим, времени полно.

Доски глухого деревянного забора давно потеряли цвет от солнца и дождей, его подпирала вымахавшая почти в рост человека крапива, не отставали от нее полынь и развесистые лопухи. Сразу за забором тянулась стена двухэтажного дома – обычный летний скворечник для дачников, чтобы пережить теплый сезон. Егор остановился перед калиткой, еще раз осмотрелся – вроде, ничего не напутал. А то неудобно получится... Он подпрыгнул еще раз, но кроме крыши сараюшки в глубине участка и верхушек кустов ничего не разглядел. Он прислушался еще раз – за оградой тихо, ветерок доносит откуда-то звуки музыки то ли из радиоприемника, то ли из телевизора и все. Егор перекинул рюкзак через калитку, поставил ногу на скобу ручки, подпрыгнул, ухватился обеими руками за край калитки и подтянулся. Еще один рывок – и он внизу, на заросшей травой дорожке, ведущей к дому. Егор посмотрел по сторонам – такое чувство, словно лет на десять назад во времени провалился. Почему-то стало неприятно и жутковато одновременно, Егор подобрал рюкзак и направился к дому. До крыльца от калитки ровно десять шагов – обойти глухую торцевую стену и оказаться перед крыльцом с двумя четырехгранными столбиками под плоским козырьком.

Егор взялся за дверную ручку, потянул ее на себя – ритуал выполнен, дверь, естественно, закрыта. Его тут никто не ждет уже лет пять или больше, подсчет лучше даже не начинать, дабы избежать лишнего расстройства. Егор поставил рюкзак на траву, оглянулся на разросшиеся вдоль забора кусты малины и смородины, поплевал на руки и оперся ладонями о столбики под навесом.

Дверь распахнулась с третьего удара ногой, створка грохнула обо что-то в полумраке и повисла на верхней петле. «Перестарался я» – Егор принялся осматривать разрушения. Ничего, это дело поправимое, работы на полчаса. Дверь ветхая, на соплях держится, заменить ее – и дело с концом. Или оставить, как есть – не жить же ему здесь... Егор отмахнулся от загнувшейся у виска осы и заглянул через порог.

Кусты у забора затрещали, зашелестели, словно через них напролом ломился кто-то крупный – лось или кабан. Егор обернулся, но за спиной никого не оказалось. «Почудилось?» – удивился он сам себе. Странно, раньше глюки его если и посещали, то исключительно после применения лекарственных средств. Нет, все в порядке – кто-то успел перебежать через открытое пространство перед сараем и теперь притаился за углом дома, отрезая путь к бегству, то есть к калитке.

– Эй, ты, тебе чего тут надо? Вали отсюда, или я тебе сейчас, – Егор спустился с крыльца, вышел на середину участка. За углом дома топтался высокий, поджарый с густой седой гривой волос пожилой мужик лет шестидесяти пяти в цветастых шортах и майке-«алкоголичке». Он многозначительно постукивал себе по ладони левой руки обухом небольшого топорика. Вид у мужика был преувеличенно-мрачный, его лохматые седые брови сползли к переносице, глаза угрожающе сузились. Но держался он грамотно, пространство для маневра себе оставил достаточно, и успел бы скрыться в кустах смородины еще до того, как Егор сделает первый шаг. Тот торопиться не стал, засунул ладони за ремень штанов, улыбнулся и выкрикнул:

– Привет, дядь Вань, давно не виделись! Вы так тут и живете? А Надежда Георгиевна как, здорова? А Петька? – и улыбнулся еще шире.

Мужик помедлил секунд пять, вышел из своего укрытия и остановился напротив Егора, прищурился и вытянул шею. Пауза длилась еще секунд пятнадцать, мужик заулыбался и неуверенно произнес:

– Егор, ты? Не узнал, думал, чужой кто. Нормально все у нас, нормально. Ну, как ты? – они одновременно двинулись навстречу друг другу. Егор первым протянул руку для приветствия, сосед чуть помедлил, повертел топор в руках и бросил его на траву. Поздоровались, даже обнялись на радостях. Тихоновы, соседи-пенсионеры, оба работали с матерью Егора на одном предприятии, вместе получали от завода участки и водили детей в одну школу. Это все равно что родственники, только дальние, о существовании которых знаешь, но видел их только в детстве.

– А я слышу – стук, грохот. Воры, думаю, надо посмотреть, – рассказывал свою предысторию появления на участке Егора с топором в руках дед. Егор кивал и все поглядывал в темный дверной проем. Там, у входа, началась подозрительная движуха, крупные осы носились туда-сюда и очень нехорошо при этом гудели. Но идти придется, хотя бы для того, чтобы закрыть дверь.

– Ты надолго в отпуск или насовсем? – допытывался Иван Михайлович, отец одноклассника Егора.

– Насовсем, – ответил Егор и остановился на крыльце. Перед лицом пронеслась пара здоровенных ос, он отшатнулся и пнул полузакрытую дверь ногой. В ответ из крохотной кухоньки раздался низкий нарастающий гул, Егор застыл на месте, но Иван Михайлович сообразил первым.

– Назад, – он дернул Егора за ремень, – у них там гнездо. Сожрут.

Спорить было бессмысленно. Из дома вырвался целый рой, крутанулся под навесом и улетел под крышу.

– Там лет пять никто не появлялся, – отчитывался сосед, – мы с женой только иногда на участок заходили. Ягоды собирали, ну, чтобы они не пропали, – признался он.

– Правильно сделали, – ответил Егор, посмотрел на заросшие травой грядки бывшего огорода, на пожелтевшие листья кустов и попросил:

– Иван Михайлович, у вас кипятилок есть? И тряпка какая-нибудь, большая?

– Есть, есть, все есть, – дед метнулся к скрытой в кустах дыре в заборах между двумя участками и скрылся в зарослях. Егор подобрал топор, положил его на крыльцо и осторожно заглянул в дом, но тут же отпрянул назад. Судя по всему, полосатые твари устроили себе гнездо в стенном шкафу – его дверца приоткрыта, а рядом вьется целая туча потревоженных насекомых. «Вас мне только не хватало» – Егор обернулся на шорох. Из кустов вылетел Иван Михайлович с электрическим чайником в руках, следом за мужем выбежала маленькая светловолосая женщина, в руках она держала то ли огромную скатерть, то ли занавеску.

– Вот, Егор, сынок Сереги Архипова приехал, – впопыхах представил Егора своей супруге Иван Михайлович и протянул ему чайник.

– Здравствуй, Егор, – женщина улыбнулась немного смущенно, – сколько лет тебя не видела!

– Здравствуй, – ответил Егор и взял у нее из рук покрывало, – а Петька как? Приезжает?

– Да, да, – заговорили старики хором, о своем ненаглядном сыночке они могли говорить бесконечно. За те пару минут, что Егор заматывался в тряпку, он узнал о Петьке все – что тот окончил институт, устроился на прекрасную работу в одну из контор по разработке и освоению природных месторождений углеводородов и даже стал каким-то начальником какого-то департамента. Детей у Петьки двое и все от разных жен. Приезжает он к родителям редко, и предпочитает покидать мегаполис исключительно на самолете, проносясь над родными краями в далекие теплые страны. Внуков старики почти не видят и очень по этому поводу переживают.

– Понятно, – резюмировал Егор, поплотнее замотал голову, оставив лишь смотровую щель, взял чайник и ринулся на крыльцо.

– Еще ведро дайте какое-нибудь! – прокричал он напоследок и переступил порог родительского дома.

Осиное гнездо, действительно, оказалось в кухонном шкафу. Но не одно, а целых три штуки. Двухлитрового чайника едва хватило на три здоровенных, размером с хороший кулак осиных «домика». Скоро из шкафа валил пар, гнезда повисли, как смятые комки газет, по столу и полу под ногами ползали обваренные осы. Егор оторвал со стены все три гнезда и швырнул их в подставленное соседом ведро из-под краски.

– Сейчас мы их, гадов, поджарим, – бормотал старик, щедро поливая мокрые шевелящиеся комки растворителем из бутылки. В целях безопасности от дома отошли подальше, остановились на середине бывшего картофельного поля. Егор бросил в ведро зажженную спичку и одновременно с соседом отпрянул назад.

– Ты надолго? Останешься или так, на время? – спросил его старик.

– Не знаю пока, – отозвался Егор, глядя на огонь, – как получится.

– Понятно, – помедлив, продолжил допытываться Иван Михайлович, – а жена у тебя есть? Дети?

– Нет, нет, – мотал головой Егор и поглядывал в сторону дома. Похоже, зря он сюда притащился, тут одни призраки, как в склепе.

– Плохо, что нет, – пробормотал старик, – у Петеньки тоже после первого развода все никак наладиться не могло. Такие курвы попадались – жуть, – поделился с Егором дед. Егор кивал и отмалчивался, о курвах он и сам мог бы кое-что порассказать старику. Наконец, осиные гнезда догорели, их остатки Егор высыпал из ведра и растоптал по траве.

– Ну, пойду я, – вздохнул дед, – если что – заходи. Там в заборе лист оторван, – пригласил он Егора в гости.

– Спасибо, зайду, – согласился тот, – а там живет кто? – Егор показал на противоположную сторону своего участка.

– Да, приезжают иногда, – скривился сосед, – но только на выходные.

– Спасибо! – крикнул ему вслед Егор, – я зайду, обязательно.

Дед кивнул на прощание, прихватил с крыльца свой топор, перекинул через плечо занавеску и потащился к дырке в заборе. Егор постоял на ступенях, подобрал рюкзак и вошел в дом – уже нормально, а не пригнувшись и не завернутым в «химзащиту». Вот теперь можно и осмотреться по-человечески, не опасаясь жала, готового в любой момент впиться тебе в висок.

Весь первый этаж занимала кухня – столы, шкафы, стулья, табуретки и даже холодильник. Все старое, но исправное и целое, только покрытое толстым слоем пыли. Мать в последний раз была здесь лет пять или шесть назад, Егор не появлялся еще дольше. Мебель он отлично помнил – все старье тогда вытащили из дома и перевезли сюда. По узкой деревянной лестнице Егор поднялся на второй этаж. То же самое, только провал во времени еще больше – лет на двадцать. Все старье здесь – диван, старое кресло, телевизор без пульта, кассетный магнитофон. И одежда – груды тряпок между пыльными окнами накрывал старый отцовский бушлат со срезанными погонами. Егор пробрался через завалы, подошел к окну. Внизу засыпанная щебенкой грунтовка, напротив – забор необитаемого по виду дома, дальше синеют верхушки леса. Тихо как, словно вокруг кроме него никого. Неудивительно, до поселка от города двенадцать с небольшим километров, да еще и от дороги топтать километра полтора. Маршрутка ходит раз в час, сам сегодня сорок минут на остановке просидел, пока транспорт дождался. Хорошее местечко, глухое и спокойное, почти как в лесу.

Егор провел пальцем по пыльному стеклу, первой попавшейся под руку тряпкой смахнул с углов паутину и открыл настежь оба окна. Надо и внизу сквозняк устроить и пылицу вытереть, а то и правда, как в склепе. Скоро ветер гулял по всему дому, Егор кое-как расправился с пылью в кухне, придвинул к стене большой, накрытый клетчатой клеенкой, стол, поправил покосившуюся ножку табуретки. Потом осмотрел все шкафы, открыл ящики столов, в одном нашел большой скомканный пакет. Егор покидал в него весь хлам и вытащил набитый пакет к калитке. Это потом в помойку выбросить, и не забыть замок заменить, не лазить же каждый раз через верх, но это завтра. А сейчас посмотрим, что у нас делается вон там, у забора над оврагом.

Первым на очереди оказался скромный домик с островерхой крышей и маленькой дверкой, Егор за ручку потянул ее на себя, пригнулся, заглянул внутрь и шарахнулся назад от запаха и дружного недовольного жужжания. Стая мух сорвалась со стен и потолка сортира и заметалась по тесной домушке. «Сдохнуть можно!» – Егор закрыл ладонью нос и отбежал от нехорошего домика подальше. Постоял немного на старой грядке и вернулся обратно. С этим надо что-то делать, важнейший объект жизнеобеспечения должен функционировать бесперебойно и содержаться в надлежащем порядке. Но сейчас к нему и подойти страшно, не говоря о том, что внутрь без противогаза войти. И вопрос решать надо немедленно, даже если он останется здесь лишь на одну ночь.

Дверь в сарай открылась легко, стоило лишь толкнуть ее. Егор осмотрелся в полумраке – ящики, коробки, старые инструменты, доски, под ногами мешки с окаменевшей строительной смесью. У дальней стены что-то блеснуло неярко, Егор перешагнул брошенную на пол груды грязного тряпья, подошел поближе.

– Обалдеть! – он не верил своим глазам. Покрытый пылью и паутиной, заставленный коробками с хламом в сарае ждал его старый велосипед «Урал». Егор взял его одной рукой за раму, второй подхватил за багажник и выкатил во двор. «Лет двадцать прошло, если не больше, а ему хоть бы что» – Егор смотрел на свое забытое «сокровище». Черная краска местами

облезла, багажник, того гляди, отвалится, сиденье перекошено – и все. Хоть сейчас садись – и вперед, по пустым улицам почти необитаемого поселка. Хотя нет, не сейчас – на ободах далеко не уедешь, оба колеса спущены. Зато насос вот он, никуда не делся, как ему и положено – закреплен у рамы под сиденьем. Егор тренькнул звонком на руле, посмотрел на обмотанные цветной проволокой спицы и прислонил велик к стене сарая. Завтра надо будет им заняться, обе камеры проверить и прокатиться, конечно. Но это завтра, сейчас остался еще один объект, он притаился в дальнем углу участка, рядом со старыми кривыми яблонями. Сооружение напоминало безногую избушку бабы-яги – такое же старое и частично вросшее в землю, без окон, с одной дверью. Егор остановился перед побуревшим от времени срубом, припоминая, что здесь когда-то было или планировалось возвести. В голову ничего не пришло, Егор потянул на себя дверную ручку, дернул дверь раз, другой, пока не вырвал ее из земли. В лицо пахнуло сухой застоявшейся пылью, старым деревом и гарью, вылетело облачно пыли. Егор чихнул раз, другой и перешагнул через порог, подождал, пока глаза привыкнут к темноте. Помещение небольшое, метров пять, в дальнем углу груда камней на подставке с вмурованным в булыжники здоровенным ведром, у стен две лавки. Потолок и стены черные от сажи, на полу пыль. В дальнем углу под стену уходит труба, уводя в овраг с наклонного земляного пола стекшую через щели в досках воду. Все, как и двадцать лет назад, когда в этом очаге последний раз разводили огонь, даже угли еще остались, их никто не убрал. А некому было...

Егор взялся за скобу на двери, отдернул руку, но было поздно, на ладони остался слой сажи.

– Черт! – он вышел из бани, сорвал огромный лист лопуха, выросшего у бревенчатой стены и принялся оттирать копоть. Кусты смородины снова зашевелились, затрещали, и из зарослей вышел Иван Михайлович. На этот раз он был в старых джинсах и полосатой футболке.

– Егор! – крикнул он на ходу, – приходи к нам ужинать! Посидим, поговорим, ну, и за встречу, как полагается, – многозначительно намекнул он.

– Хорошо, – согласился Егор, – приду, попозже. Надо тут сначала убрать кое-что, – он мотнул головой в сторону домика под острой крышей, – только не знаю, с чего начать. Вакуумную машину вызывать? Дорого, и после них туда неделю не подойти.

– А! Это ерунда! – легкомысленно отмахнулся сосед.

«В смысле?» – задать вопрос Егор не успел. Иван Михайлович обернулся за пару минут, в руках он нес полное ведро воды и несколько бумажных пакетиков.

– Вот, – запыхавшись, доложил он, – убойная штука. Я сам не верил, пока не попробовал. Через сутки у тебя там фиалками запахнет.

– Чудес не бывает, – он протянул пакет старику, но тот убрал руки за спину.

– Давай, давай, делай, что тебе говорят! – прикрикнул он.

Пришлось подчиниться. «Хуже не будет» – Егор набрал в грудь побольше воздуха, задержал дыхание и вломился в скромную домушку. Все прошло быстро, содержимое трех пакетиков полетело в яму следом за водой, Егор выскочил на воздух и захлопнул за собой дверь.

– Молодец, – похвалил его сосед, – давай поспорим, что завтра там розами запахнет.

– Ты ж сказал – фиалками, – подначил старика Егор.

– Какая разница! Пошли! – Иван Михайлович подтолкнул Егора к дырявому забору.

После экскурсии по усадьбе соседей, осмотра парников, ухоженных клумб и картофельных грядок, после дегустации запасов в небольшом холодном погребе ужин продолжался почти до полуночи. Надежда Георгиевна сдалась первой, ушла в дом, бросив мужа и Егора допивать настойку из смородины. На табуретке бормотал маленький телевизор, где озабоченные депутаты, презрев сон и покой, наперебой лезли в объектив, делали громкие заявления, обвиняли Президента в государственной измене, грозили тысячными митингами протеста, угрожая привести к Кремлю своих избирателей. Егор посматривал изредка на мельтешение картинок, но к голосу за кадром не прислушивался. Но хозяин дома от жизни отставать не желал,

поэтому выпуск новостей Егору все же пришлось посмотреть. После перечисления внутренних и международных событий на экране появились пасущиеся овцы и два загорелых черноволосых человека, неторопливо обходящие отару.

– По-моему это уже «В мире животных» началось, – Егор доел остывшую жареную картошку и потянулся к пластиковой бутылке, дед подвинул Егору свой стакан и сделал звук погромче.

– Стадо баранов с чабаном могли наблюдать на Симферопольском шоссе в среду утром автолюбители, стоявшие в пробке на въезде в Москву всего в нескольких километрах от МКАД, – радостно сообщил ведущий и Егор замер с полуторалитровой емкостью в руках, уставился на экран. Иван Михайлович отогнал от картинки назойливого мотылька и повернул телевизор экраном к Егору.

– По словам водителя, ставшего свидетелем необычного для нашего региона явления, около полусотни баранов под наблюдением чабана мирно жевали подстриженную траву прямо на дорожной насыпи. В результате выпаса никто не пострадал, – окончание речи ведущего пришлось на сделанные камерой мобильного кадры: пара овец несется к кольцевой, за ними следом, подбадривая себя матюками, мчатся чабаны. На этом сюжет закончился, дальше пошла реклама.

– Сдуреть, – повернулся к Егору дед и аккуратно, двумя пальцами, взял свой полный стакан, – в Москве овец пасут. Дожили. Дальше-то что будет?

Егор поднял свою посудину и отпил глоток терпкой крепкой настойки.

– Да и черт с ними, – сказал он, – пусть пасут, нам же легче будет.

– В смысле? – не понял старик.

– В том смысле, неплохо, что баранов и овец в Москве прибавилось. Теперь гости столицы смогут полнее удовлетворять свои секс-потребности в соответствии с национальными особенностями, – Егор приложился к стакану еще раз, дед выдержал паузу и расхохотался, но тут же зажал себе ладонью рот.

– Гаси ты его нафиг, – попросил Егор. Старик выключил телевизор, и под навесом стало тихо, только шуршали под потолком слетевшиеся на свет лампочки бабочки и мотыльки.

– Давай, – шепотом скомандовал дед, и Егор свернул пластиковой бутылке «голову». Вспомнили всех, выпили и за здоровье, и за упокой, обсудили и переговорили обо всем, что произошло за последние два десятка лет. Говорил, в основном, старик, Егор предпочитал слушать, поддакивая иногда в нужный момент. Потом вымыл посуду, и, нагруженный подарками – парой дополнительных пакетиков «волшебного» средства и полуторалитровой бутылкой настойки – кое-как, боком, пролез в дыру в заборе. Добрался до крыльца, сгрузил ношу и не удержался – вернулся к сортиру, осторожно приоткрыл дверцу. Воняет, конечно, но уже не так убойно, можно и потерпеть. Но и аромата роз пока не наблюдается. «Утром проверю» – Егор оставил подарки на кухне и в темноте сунулся под лестницу – вспомнил, что забыл посмотреть, что там делается. Наткнулся на старую сложенную раскладушку, набитый чем-то мягким пластиковый белый мешок и кучу старой обуви, обнаружил свои собственные старые кроссовки, в которых еще норматив по физво в училище сдавал, оступился и врезался лбом в ступеньку.

– Зараза! – потирая ушибленное место, он поднялся на второй этаж и растянулся на старом, слишком широком для одного диване, закрыл глаза. В голове еще шумело от выпитого, зато не было ни одной мысли о прошлом, они словно сгорели сегодня вместе с осинными гнездами. Егор прислушался к шороху за стеной, повернулся и приоткрыл глаза. В стекло билась огромная ночная бабочка, ее крылья неприятно шелестели, стучали о пыльное стекло.

– Иди отсюда, – посоветовал ей Егор непослушным языком и заснул.

Время «Уралу» оказалось нипочем, обе камеры были в полном порядке. Егор подкачал колеса, прокатился по кочкам на своем участке и выехал за ворота.

– На родник съезди, – посоветовала ему Надежда Георгиевна, – тут два километра всего. Заодно водички свежей привезешь.

– Посуду давайте, – согласился Егор. Дорогу он отлично помнил и в пути не заблудился. Два километра по лесной дороге мимо старых, в два обхвата берез – сначала в горку, потом вниз, не сбрасывая скорость и входя в повороты в последний момент. Утрамбованные, наезженные колеи грунтовок, ведущие к федеральной трассе за лесом, за ними ельник – и вот он, мостик в пять шагов длиной, узкая, едва заметная речушка под ним и врытая в земляной склон пластиковая труба. А когда-то вместо нее была металлическая... Егор наполнил две пятилитровые канистры, одну пристроил на багажник, вторую поставил на раму и, пока ехал обратно, придерживал ее одной рукой.

– Спасибо, – благодарили его старики, – мы туда редко выбираемся, из города проще привезти.

Егор забрал свою посудину, принес ее на кухню. Потом послонялся по дому, уселся на пороге. И не выдержал, посмотрел на наручные часы. Сутки еще не прошли, но все же... И направился на инспекцию домика в углу участка. Внутри действительно пахло розами. И фиалками одновременно – Егору показалось, что здесь кто-то воспользовался двумя разновидностями дезодоранта. «Ничего себе!» – он старательно принюхивался, но кроме еле уловимого цветочного запаха ничего не чувствовал, мухи тоже куда-то подевались. Отлично, просто отлично, осталось только пол вымыть, и в домике можно жить. А чтобы вымыть пол нужна вода. А кроме питьевой воды в доме нет, и ее жалко. Значит, придется тащиться на пруд, на самый край поселка.

– Надеюсь, одного ведра мне хватит, – Егор нашел в сарае подходящую пластиковую емкость, внимательно осмотрел ее на предмет наличия отверстий и отправился по воду. Одного ведра не хватило, пришлось топтать за вторым, во время третьей ходки Егора встретил дед.

– Так у тебя скважина на участке была, – напомнил ему Иван Михайлович, – отец твой тогда еще от общего водопровода отказался.

– Была, – согласился Егор, – да столько лет прошло. Она заилилась давно или ее песком занесло.

Заросшую трубу нашли через полчаса совместных поисков. Ржавый раструб торчал из земли недалеко от прокопченного сруба бани. Егор вырвал траву, присел на корточки рядом с осыпавшимся бетонным кольцом.

– Я же говорил, – наставительно заявил дед, – вот она. Помню, Сергей воду в дом завести хотел, но не успел.

– Не успел, – согласился Егор, сел на траву и привалился спиной к теплым бревнам. Жара-то какая, словно не конец августа на дворе, а середина июля. На пруд что ли еще раз сходить, поплавать? Или...

– Дядь Вань, – попросил он старика, – можно мне у вас еще воды набрать? В последний раз? Я со скважиной завтра разберусь, или послезавтра, и больше мешать вам не буду.

– Да бери на здоровье, – разрешил измученный жарой старик и вытер лицо подолом майки.

Егор поднялся на ноги, направился к сараю. Где-то там должен быть топор, ведь кроме воды понадобятся еще и дрова, но это уже не проблема – лес рядом.

Порядок в бане он навел быстро, на добычу дров, растопку и разогрев ушло еще часа три. Пока выгреб головешки и угли, дождался, пока из крытого сруба выйдут остатки дыма, и заткнул найденную под потолком дыру тряпкой.

– Чем топил? – деловито поинтересовался Иван Михайлович, стоя рядом с Егором перед растопленной банькой.

– Березой. И осины немного, – отчитался Егор, – от них сажи меньше.

– Понятно. Отец твой, помню, тоже баньку уважал. Раз в неделю – святое дело. И зимой, и летом. А я вот не могу, сердце, – пожаловался Егору старик.

«Веник бы» – в который раз подумал Егор. Но эта роскошь сейчас уже недоступна – на дворе почти что осень, поздно пить боржоми. «На следующий год обязательно наломаю» – поклялся он себе, открыл дверь и шагнул в темное, полное горячего пара помещение. Кусок мыла и много горячей воды – как мало иногда надо человеку для счастья. Когда это было в последний раз – месяц, два, три назад? А черт его знает. Домой, как ни приедешь – то отключили, то напора такой, что душ не включается, а на стройке хорошо, если раз в два дня в летний душ забежать успеешь... Егор заставил себя выползти из бани только через два с лишним часа. Обмотался найденным на втором этаже старым полотенцем и пошел босиком по траве к дому. Остатка сил хватило, чтобы найти банку консервов и разогреть ее содержимое в сковородке. Старая электроплитка раскопегарилась быстро, ужин пролетел незаметно. После минутного раздумья Егор отодвинул грязную посуду на край стола и вполз по лестнице наверх.

– Завтра, все завтра, – пробормотал он уже в полусне, заворачиваясь в просушенное и проветренное за день на солнце одеяло, – не могу больше. Мелькнула последняя мысль – надо возвращаться в город, привезти продукты и кое-что из одежды. «Мне здесь нравится, я остаюсь» – то ли он действительно сказал это сам себе, то ли уже приснилось – непонятно.

До города добираться пришлось на попутке, Егор просидел на остановке почти час, потом плюнул и пошел пешком. Но повезло, его подобрал веселый водила на «бычке», взял немного и высадил почти у самого дома. Егор потоптался на распутье, направился, было, к магазину, но передумал. Денег с собой в обрез, а затариваться придется на неделю или больше. Дома он пересчитал наличку, сунул деньги в карман и вышел из квартиры. На площадке чисто и тихо, за дверью соседей-фанатиков тишина и покой. Зато на площадке рядом с их квартирой разлилась в углу огромная вонючая лужа, и несло от нее в точности как от заброшенного деревенского сортира.

– Уроды, – Егор сбежал вниз по лестнице, выскочил из подъезда и зашагал к магазину. Консервы, подсолнечное масло, крупа, макароны, специи, бытовуха – к кассе он подошел с полной корзиной. «Это еще надо, это и вот это» – некоторые полки пришлось миновать без остановки. И так еще барахло на себе тащить, да еще неизвестно, сколько маршрутку прождать придется. Он расплатился, переложил все в пакеты и вышел из магазина.

Маршрутка не подвела, пришла всего через полчаса, и до места он добрался быстро. Дорогу помогли скоротать озабоченные перепуганные пенсионерки-дачники. Нагруженные садовым инвентарем старушки опасливо поглядывали на Егора и страшным шепотом передавали друг другу подробности события минувшей ночи – ограбление инкассаторов одного из банков. Со слов женщин Егор понял, что есть жертвы: убит охранник и ранена приподнявшаяся уборщица, нападавшие угнали бронированный инкассаторский «фиат» (не забыв про мешки с наличкой), а стреляли злоумышленники из автомата. «Уж не те ли, что в аптеке стекла били?» – вспомнился ему недавний рассказ Титова. Очень может быть, что отметились те самые бандиты, устроившие засаду и положившие полицейских из охотничьих ружей. Если так, то радости мало знать, что где-то недалеко уже всюю тренируется кто-то, опыта набирается, готовясь с грядущим смутным дням, не иначе.

Егор вышел на своей остановке, перепуганные бабульки поехали дальше, а он миновал пруд, заполненный почти доверху мусорный контейнер у въезда в дачный поселок, и теперь шагал по пустой тихой улице. Жара и не думала спадать, на небе ни облачка, трава желтеет на глазах и листья держатся на ветках старых, чудом уцелевших в центре поселка берез, из последних сил. Осень придет без предупреждения, жару сдует ледяным ветром и смоем потоками серых промозглых дождей. Но не сегодня и, явно, не завтра. Егор толкнул калитку, вошел во двор. Все на месте – дом, сарай и баня. Да и что тут брать-то, кто на это старье позарится? Но все равно, замочек на калитке мы сейчас поменяем, и на входной двери тоже... Егор оста-

новился перед крыльцом, повернул голову влево. Там, где когда-то росла картошка, сейчас остался перепаханный заросшими бороздами газон, еще вчера Егор старательно «причесал» его граблями. А сейчас почти в его центре сидела мелкая тварь, похожая на покрытого шерстью таракана. Мелкое, на кривых подогнутых дрожащих лапах мышиного цвета существо вытянуло голову, принюхалось и разразилось писклявым лаем.

«Что за хрень?» – Егор поставил пакеты на ступени, скинул рюкзак и направился к животине. Та выпучила на человека гигантские, водянистые с синим отливом глазки, отпрыгнула назад и завертелась на месте. Егор смотрел на ее поросшую бурого цвета шерстью спинку, короткий обрубок хвоста и ждал. Тварь уперлась носом в землю, покрутилась еще немного и зависла над травой, поджав задние лапы. «Не понял» – пока Егор соображал, что происходит, псина сложила небольшую аккуратную кучку, помахала для вида лапами и скрылась в кустах малины.

«Сволочь» – Егор вынес из сарая лопату, закопал следы жизнедеятельности лохматого таракана и подошел к кустам. Сразу за ними начинался забор на пустовавший до этого дня участок. Но не сегодня – тишину, шорох ветра и пение птиц накрыло ревом, отдаленно напоминающим музыку. Егор пробрался через заросли и осмотрел забор. Ни черта не видно, травища прет, крапива и лопухи, придется ползать тут на коленях, чтобы найти и закрыть дыру.

– Еще раз тебя тут увижу – убью! – крикнул Егор, но слова пропали в грохоте хорошо проработанных басов. Он сморщился, грохнул по забору кулаком и пошел к дому. Концерт с соседнего участка продолжался до половины третьего ночи, Егор лежал на диване и рассматривал потолок и прикидывал планы на завтрашний день – уснуть было невозможно, от «музыки» дрожали стекла. «Надоест же им в конце концов» – он перевернулся на живот и посмотрел в окно. Ни бабочек, ни пауков, никого, не слышно даже мышей в пустом погребе – все живое разбежалось от диких звуков куда подальше. Грохот и вой стихли внезапно, тишина рухнула внезапно, как после близкого разрыва. «Слава те, господи» – Егор закрыл глаза и повернулся на бок. Все, теперь спать, утром надо встать пораньше и разобраться со скважиной. Дергать стариков лишний раз нельзя, кто он им – одноклассник любимого сына, и все... За окном грянул взрыв, за ним еще один, следующий, потолок и стены озарила сначала желтая, потом зеленая вспышка. Егор замер под одеялом, с трудом преодолев желание свалиться на пол. «Это еще что?» – он приподнялся на локтях, посмотрел на окно. Стекло стало красным, потом снова желтым, затем зеленым и синим. С улицы донеслись пьяные вопли, пропали в грохоте взорванных петард. Грянул следующий залп, звуки разрыва заглушили крики, но Егор ничего не разобрал в несвязных женских визгах.

«Идите куда-нибудь, придурки, и подальше отсюда» – пожелал он соседям вместо «спокойной ночи», и уснул под стихшие, но не замолкшие совсем звуки «музыки», льющиеся с соседнего участка.

– Ну, как спалось? – спросил утром Иван Михайлович.

Злой и грязный Егор не ответил ничего, ругнулся коротко и снова запустил трос с желонкой в раструб. Дед вытащил полное песка и ила ведро за калитку, выплеснул его и вернулся обратно, на боевой пост.

– И так каждые выходные. Круглые сутки. Это вчера они чего-то рано успокоились, – сообщил дед. – Мужика Костик, вроде, зовут, а бабу его Кристиной кличут.

– Понятно, – буркнул Егор, – а поговорить с ними пробовали? Объяснить по-хорошему?

– Пробовали, – признался старик, – но без толку. Они не понимают. Вообще, то есть совсем. То есть они слова «здравствуйте» и «пожалуйста» воспринимают как сигнал, что к ним дурачки какие-то пришли, или юродивые, – Иван Михайлович потянулся к наполненному тухлой водой и илом ведру, но Егор остановил старика.

– Сиди, я сам, – он вылил грязь в канаву и вернулся назад, глянул на солнце над головой. Уже почти полдень, а он только воду взбаламутил, так целые сутки черпать можно, и все без толку. Егор плюхнулся на колени и опустил желонку в трубу.

– Значит, не помогает? – уточнил он, и старик покачал головой.

– Нет, больные они, что с них взять. Но в воскресенье вечером точно в Москву уедут, за все лето ни разу не остались, и у нас тут снова благодать будет. А тебе чего? – Егор вылил в ведро очередную порцию дряни и повернул голову.

– Пошла вон! – заорал он, – катись отсюда нахрен! – и вскочил на ноги. Дед, кряхтя, поднялся с перевернутого пластикового ведра и завертел головой по сторонам в поисках подходящего метательного предмета. Лохматая шавка то ли бляяла, то ли выла и металась по газону. Она увернулась от брошенного Егором обрезка трубы, присела на травку, быстро сделала свои дела и ринулась обратно в малину.

– Тварь! – рывкнул Егор и врезал носком ботинка по забору, – сука драная! Порву, как крысу! – и осекся, прислушался к звукам по ту сторону деревянного забора.

– Миклуша! Миклуша, иди ко мне! Иди сюда, мой мальчик, мой зайчик! – от приторного воркования стало нехорошо. Егор подпрыгнул, схватился за край забора и подтянулся на руках, осмотрелся по сторонам. Ни деревца, ни кустика – все вырублено под корень, остались только пеньки на пожухшем к концу лета бесконечном газоне. Двери и окна одноэтажного деревянного домика распахнуты, у забора в землю вкопаны качели под цветастым тентом, рядом дымится мангал. Недалеко от него бассейн, перед закрытыми воротами сияет на солнышке новенький «логан». В самом дальнем углу участка скромно притулилась синяя кабинка, дверь деревянного строения слева, насколько смог рассмотреть Егор, была заколочена.

– Зайчик мой, где ты был? Тебя не обижали? – Егор посмотрел вниз. Под забором сидела девица в красных шортах и зеленой майке на тонких бретельках – та самая Кристина, надо полагать. Ее голову прикрывала светлая, заношенного вида тряпка, и Егору сначала показалось, что это кусок савана. Но нет – это оказались волосы, выкрашенные в какой-то жуткий цвет и старательно уложенные идеально ровными прядями вокруг маленькой головы с острым подбородком. Лоб скрывала квадратная челка, в надутые, толстые, как гусеницы, губы девицы тыкался собачий нос.

Егор сполз по доскам назад и выбрался из зарослей малины.

– Что там? – волновался дед, – что это за урод тут бегал?

– Там все такие, – прокомментировал увиденное Егор, и снова поплелся за лопатой. По случаю жары решили сделать перерыв, устроились в теньке и смотрели в небо.

– Надо с ними еще раз поговорить, – подал голос Иван Михайлович.

– Ты же сам сказал, что бесполезно, – ответил Егор, – они не понимают. Тут либо морду сразу бить, либо...

– Либо – что? – старик повернулся к Егору и повторил заинтересованно:

– Ну, договаривай, раз начал, не тяни.

– Я пачку дрожжей им в сортир кину, – поделился своими планами Егор.

– Точно, – повеселел дед, – только сахарку добавить не забудь. Кило сахара на пачку дрожжей и в летнее время, особенно в жаркий денек.. Крику будет! – он даже зажмурился, предвкушая грядущий спектакль.

– Дрожжи кушают не только сахар, они отлично растут на любой белковой и углеводной питательной среде, – начал дискуссию Егор, но Иван Михайлович вдруг замотал седой гривой.

– Нет, не советую. Смотри, – он ткнул пальцем в сторону забора, – видишь – тут склон, участок понижается. Где у них сортир стоит?

– Биотуалет – там, далеко, а нормальный рядом, – пояснил Егор.

– Вот видишь – их участок выше, и в случае взрыва все дерьмо твое будет. И мое заодно, – расстроенным голосом загубил он идею Егора.

– Жалко, – Егор поднялся на ноги и поплелся к скважине, – пошел я, некогда мне. А ты посиди, отдохни.

В нос ударил запах тухлятины и гнили, Егор поднял из скважины порцию грязи, вылил ее в ведро и поволок за калитку. Дед следил за ним еще минут пятнадцать, потом подполз поближе, уселся на перевернутое ведро и принялся вещать:

– Ничего у тебя не получится, так ты неделю провозишься. Звони спецам, пусть приезжают и всю эту дрянь откачивают. Заплатишь один раз, зато потом надолго хватит, – зудел он над ухом.

Егор ничего не ответил, руки даже в хб-шных перчатках онемели от ледяной воды, гнилая вонь от песка, воды и ила становилась невыносимой, слой взвеси и осадка на дне скважины и не думал уменьшаться.

– Они все аккуратно сделают, даже на участок заезжать не будут, – твердил дед, – я сам видел. Приехали, через забор шланг кинули – и все, пошла чистая водичка... Егор, у тебя телефон звонит! – дед вскинулся, закрутил головой. Мобильник лежал на столе в кухне, Егор потащил из скважины полную песка тяжелую трубу и крикнул деду:

– Тащи, видишь, у меня руки заняты!

Старик добрался до кухни, схватил со стола телефон и протянул трубку Егору.

– Вон ты нажми, зелененькую, а теперь поддержи. Да, слушаю! – Прижавшись к трубке ухом, крикнул Егор.

– Привет, чего не отвечаешь? – воодушевленно проорал Титов, – я тебе работу нашел сказочную – делать ничего не надо, денег море! Сам бы пошел, да тут человек с твоим опытом нужен, я не гожусь! Давай быстро сюда, через полчаса жду!

– Прямо сейчас что ли? – слегка опешил от такого напора Егор, – я не успею, у меня...

– Егор, тут люди серьезные собрались, они два раза повторять не будут, – уже тише, вполголоса проговорил Титов, – приезжай, мы пока тут будем, в «Даче».

– В какой даче? – не понял приятеля Егор.

– Дикий ты человек, Архипов! «Летняя дача» – ресторан так называется. Надеюсь, что ты знаешь, где он находится. Все, выезжай.

– Знаю, – ответил Егор, – но я не в городе, тут маршрутки редко ходят, пока доеду – полдня пройдет. Может, завтра?

– Сегодня, Егор, сегодня. Я тебя уже в лучшем виде отрекомендовал. Все, не тяни. – Голос и фон, тихая музыка и нестройные голоса, оборвались, из трубки понеслись короткие гудки.

– Все на сегодня, дядь Вань, поехал я, – Егор бросил заляпанную грязью трубу в ведро, стащил грязные мокрые перчатки и поднялся на ноги.

– Далеко собрался? – старик положил телефон на ступеньку.

– На работу устраиваться. Приятель звонил, – объяснил старику ситуацию Егор и пошел в дом переодеваться.

До «Летней дачи» Егор добрался в рекордный срок – всего за час. То ли ветер был попутный, то ли с транспортом несказанно повезло, то ли все и сразу. Парковка перед нарядным фасадом радостной бело-голубой раскраски двухэтажного здания была забита машинами. Егор прошел мимо иномарок, высматривая среди них «тойоту» Титова, но знакомой машины не обнаружил. Взгляд задержался на черном «гелендвагене», припаркованном на тротуаре напротив входа. Отмытый до блеска монстр блестел под неярким солнцем, кузовные панели из нержавеющей стали сияли, блики от огромной, во всю «морду» гелика звезды с тремя лучами в круге били в глаза. Егор обошел навороченный внедорожник и направился к дверям ресторана. Створки разъехались, из полумрака потянуло прохладой и запахом хорошего кофе. Егор прошел мимо закрытых стеклянных дверей небольшого зала, поднялся на второй этаж и оказался в холле.

– У вас столик заказан? – подскочил к посетителю вежливый белобрысый юноша. Егор помотал головой и остановился напротив входа в зал. Ничего не разобрать, народу полно – шум, гул, тихая музыка, официанты носятся туда-сюда – жизнь бьет ключом.

– Прошу прощения, но свободных мест сейчас нет, – не отставал хостес, – возможно, через час или полтора...

– Не надо, – отмахнулся Егор и полез в карман джинсов за мобильником, – меня тут ждут, ждали... – Он нашел номер Титова, нажал «вызов». Приятель ответил сразу, словно ждал звонка, ответил после первого же гудка и выкрикнул раздосадовано и недовольно:

– Егор! Мы же договорились! Тебя люди ждут.

– Да здесь я, – ответил Егор, – в ресторане. А вы где?

– Сейчас! – голос чиновника заглушил грохот и чей-то смех, – стой там, не уходи! – и разговор оборвался. Егор убрал телефон и посмотрел в переполненный зал. Даже в этой толчее Титов был виден издали, похожий на огромного уродливого комара с несуразно длинными конечностями, влетевшего в комнату, и рвущегося обратно на свободу. Он шагал от дальнего полукруглого окна и застегивал на ходу светлый пиджак.

– Вижу, – Егор двинулся навстречу приятелю, махнул издали рукой, и Титов остановился.

– Наконец-то, – проговорил он, осмотрел Егора с ног до головы, собрался сказать что-то еще, но передумал.

– Пошли, – он посторонился, пропуская Егора вперед, – вон туда, к окну. Только там не курят.

– Ну и хорошо, – отозвался Егор, – уж как-нибудь переживу.

За овальным, накрытым пестрой скатертью столом сидели четверо. Двоих Егор успел рассмотреть, пока шел к столу – один здоровенный, лет сорока, в белой полосатой рубашке с жирной щетинистой обвисшей мордой, непрерывно жевал и одновременно говорил по телефону. Второй – комплекцией пожиже, но тоже с рыхлой физиономией и зарождающейся лысиной, постарше первого. Третий, сидевший к залу спиной, что-то говорил последнему – светловолосому, сидевшему к окну в пол оборота. Пятый стул пустовал, на клетчатом сиденье валялась скомканная салфетка.

– Вот, – заявил нервно-веселым голосом Титов, – Архипов Егор, я вам о нем рассказывал. Думаю, что его навыки и опыт могут быть нам полезны.

– Добрый день, – Егор по очереди бросил взгляд на каждого. Ленивые сытые лица, безразличие в глазах, дорогая одежда, навороченные телефоны, выложенные рядом с тарелками. «Тут люди серьезные собрались» – Титов не обманул, пока все сходится, едем дальше.

– Мокрушин Виталий, – сквозь зубы буркнул первый, обросший и потный, не смотря на леденящий спину кондиционер.

– Владелец сети ювелирных магазинов «Золотой скорпион» – добавил маячивший за спиной Егора Титов.

Второй, плотный, с мокрыми развесистыми губами оторвался от тарелки и представился сам:

– Бондарь Петр, хозяин двух салонов ритуальных услуг. Милости просим, – и захихикал, поджимая разваливающиеся губы.

– Спасибо, – Егор смотрел на третьего, с длинным костистым лицом и огромными черными глазами человека. Он покосился на Егора и произнес с набитым ртом:

– Попов Сергей, директор «Теплосети».

– Теплосети? – вырвалось у Егора, – вы когда нам воду горячую дадите? Я уже месяц нормально не мылся, скоро чесаться начну.

В ответ Попов вежливо улыбнулся и вернулся к салату в своей тарелке. Остальные посмеялись, Титов толкнул Егора в спину.

– Соломатин Владимир, – четвертый, молодой человек лет двадцати семи, бледный, со светлыми волосами и бледно-голубыми глазами даже не шевельнулся на своем стуле. Он не сводил с Егора взгляд, изучал его, как диковинное существо и даже склонил голову к левому плечу. Мимика у юноши отсутствовала напрочь, он открывал и закрывал рот, как обученная говорить дорогая кукла. «Соломатин? Как же, припоминаю, как папашу твоего хоронили, в девяносто девятом. Последнего бандита пристрелили, у бани, кажется, или у подъезда. Я тогда в отпуск к матери приехал, весь город перекрыт был, гроб через центр несли, и пришлось мне с вокзала пешком топтать» – Егор смотрел в неподвижные глаза молодого человека.

– Владимир – хозяин одиннадцати продуктовых магазинов и депутат местного законодательного собрания, – прокомментировал Титов и засуетился:

– Присаживайся, Егор, сейчас тебе стул принесут. Официант! – крикнул Титов, и замаскал рукой. Егор взял пустой стул за спинку, бросил салфетку на стол и уселся рядом с Поповым. Тот мельком глянул на соседа и отодвинул от себя пустую тарелку. Титов пометался еще немного, схватил принесенный официантом стул и угнездился по соседству с гробовщиком. На миг за столом стало тихо, кто-то дожевывал, кто-то допивал, а депутат в белоснежной рубашке смотрел в окно, на яркие цветы петунии. стакан с апельсиновым соком перед ним был наполовину пуст.

– Вот, – осмотрев присутствующих, заговорил Титов, – Егор у нас временно безработный, а нам нужен человек с его опытом и знаниями. Я могу ввести его в курс дела, если...

– Валяй, и побыстрее, – пробормотал недовольно ювелир, – чего тянуть, мне главбух уже три раза звонила, ехать надо.

– Да, конечно, – закивал Титов, – Егор, нам нужен сопровождающий. Мы, – он широким жестом обвел жующую компанию, – часто выезжаем в лес.

– Покатушками увлекаемся, – перевел ювелир и уставился на Егора, – ну, на машинах, на внедорожниках преодолеваем насыщенное, сложное и интересное бездорожье, понятно? – верхняя губа Мокрушина поползла вправо и вверх, и Егор только сейчас разглядел над ней едва заметный короткий белый шрам.

– Понятно, – отозвался Егор, – а я вам зачем? Водителем? Механиком? Стрелком? – он посмотрел сначала на напряженного Титова, потом на ювелира.

– Да нет, рулить мы сами умеем, – Мокрушин бросил на пустую тарелку вилку и нож, – а ты сопровождающим с нами поедешь, чтобы организовал все. Маршрут продумал, места стоянок, обед, ужин, и чтобы стрелять умел. В пейнтбол поиграть, в смысле, – заметив взгляд Егора, встрял Попов.

– Что будете заказывать? – Егор отвлекся на мгновение. К столу подошел официант и смотрел через очки то на Егора, то в свой блокнот.

– Сок яблочный принесите, пожалуйста, – попросил Егор и перевел взгляд на окно. Хорошо тут у них, уютно, цветы цветут и даже пахнут. Или петуния не пахнет? Да черт с ней, с петунией.

– Ну, что скажешь? – торопил его Титов, – берешься нам досуг организовать? А то надоело просто по лесу мотаться и болото без толку месить. Ты нам игру придумай, чтобы не просто маршрут пройти, а с целью, с призами.

– Призовой фонд я вам обеспечу, – прошлепал губами Бондарь, и все, кроме депутата, дружно заржали.

Егор улыбнулся, взял у официанта запотевший стакан с соком, вытащил соломинку и одним глотком осушил его наполовину. Все уже успокоились и смотрели на Егора, ожидая его решения.

– Нам главное, чтобы все, как жизни было, в реальной жизни, – развивал свою мысль потный ювелир, – чтобы все по-настоящему, ну, ты же знаешь, как это бывает – лес, охота

там, перестрелка. Деньгами не обидим, – все дружно кивнули, даже сын бандита еле заметно качнул белобрысой головой.

– Знаю, – ответил Егор, – хорошо, я вас понял. Вам, походу, массовик-затейник нужен, аниматор, так сказать. Ладно, уговорили. Организую я вам игру, все, как в жизни будет. Только сразу предупреждаю – вы у себя в конторах главные, а в лесу я хозяин. Так что слушаться и выполнять. Усвоили? – он отставил стакан в сторону и посмотрел на каждого по очереди.

Жевать перестали все, даже гробовщик отложил вилку и тер отвислые губы салфеткой. Соломатин «сканировал» Егора уже в третий или четвертый раз и моргал светлыми редкими ресницами.

– Отлично. Ездите на чем? – вместо ответа Титов, как укушенный, подорвался с места, бросился к окну.

– А вон, – он тыкал пальцем в чистое стекло, – вон, посмотри. Потом поближе все посмотришь, может, что посоветуешь.

Егор поднялся из-за стола, подошел к окну. За спиной грохнул стул, запыхтел неповоротливый Мокрушин, подошел, остановился рядом.

– Вон «ровер» мой, – мотнул он покрытой бурой щетиной башкой в сторону парковки, – на кузове пленка под «цифру». А «крузак» с «люстрой» – это нашего гробовых дел мастера, – он обернулся и хлопнул Бондаря по плечу. Тот хрюкнул в салфетку и снова захихикал.

– Мой «туарег» ему покажи, – с набитым ртом проговорил Попов, – серый, с «корзиной» на крыше.

– Вижу, – ответил Егор, рассматривая машины. Все, как одна, «заряжены» по самое некуда – грязевая резина, силовые металлические бамперы и подножки. Боковины «ровера» обшиты алюминием, колесные арки «Туарега» подрезаны и усилены металлическим листом, «люстры», ПТФ – все, как у больших, все по-настоящему, не придерешься.

– А моя вон, беленькая, «паджеро» – похвастался Титов, и прошептал, наклонившись к Егору:

– Правильно сделал, что согласился. Придурки они, конечно, еще те, но денег у них полно и люди они не жадные. Заживешь, как человек, квартиру купишь.

– Отличный выбор, – Егор отвернулся от окна, посмотрел на депутата, – а вы, Владимир, на чем российское бездорожье покорять предпочитаете?

– Моя у входа стоит, отсюда не видно, – помедлив, раскрыл рот Соломатин.

– Я вас понял, – Егор вернулся за стол, допил сок и заговорил, продолжая вертеть пустой стакан в руках:

– Значит, так. Лебедки на машинах у всех есть? – в ответ «покатушечники» дружно кивнули.

– Снять к чертовой матери, по две лопаты с собой каждому и ручками, ручками выкапывать, и без перчаток. Навигаторы дома оставить, вместо них взять по карте с компасом на каждую машину. «Люстры» тоже нафиг, ты, – Егор посмотрел на развесившего губы гробовщика, – с фонарем впереди колонны побежишь. Теперь дальше. Сейчас пока никуда не поедем, подождем, когда дожди пойдут, или болотину в низине найдем, палатку в луже поставим и крыс в нее запустим. Но спальники будут, тут уж как положено. С клопами, и вшей неплохо бы в них развести. Бомзам на недельку можно дать перед выходом попользоваться, результат гарантирован. Значит, ночуем в лесу. Утром завтрак – тушенка просроченная на годик-полтора, думаю, для начала вам хватит. А тушенка у нас будет с перловкой, а перловка с червячками, это ты, лабазник, – дно стакана повернулось в сторону депутата, сейчас он был очень похож на свое изображение на предвыборной листовке, – у себя по сусекам поскребешь. А после завтрака можно и по лесу побегать. Пострелять, – стакан со стуком вернулся на стол, Егор порывлся в заднем кармане джинсов, достал оттуда сторублевую купюру и бросил ее на скатерть. Потом подумал, и добавил еще полтинник. «Надеюсь, этого хватит» – он отодвинул

стул и поднялся на ноги. Больше никто не двигался, только гробовщик вытирал салфеткой слюни, глаза Соломатина бегали по сторонам, а Титов смотрел перед собой в пустую тарелку.

– Вот такое вам мое предложение, ребятки, – подвел итог Егор, – зато все будет, как вы и хотели, то есть по-настоящему. Бывайте, православные. Звоните, если что.

Он пересек зал и вышел из приятной прохлады в липкую влажную духоту летнего дня. «Гелик» так и стоял, перегородив собой подход к ресторану. Егор посмотрел на свое отражение, показавшееся на крыле внедорожника, глянул мельком на окна «Дачи» и направился к дому. В голове пусто, ни одной мысли, ни одной эмоции – словно ластиком все стерли. Тихо и чисто, даже стерильно. «Жить ты на что собрался?» – напомнил о хлебе насущном рассудок.

– Откуда я знаю, – буркнул Егор себе под нос, – до этого как-то выжил и сейчас не помру. Придумаю что-нибудь.

Он пересчитал оставшиеся деньги, убрал их обратно в карман и зашагал к дому. Половина налички осталась в магазине, и к своему подъезду Егор подходил с полными пакетами в руках. Чистенькая красная «мазда» стояла на парковке у соседнего дома, Егор посмотрел на машину и направился к себе. Тухлый гнилой запах чувствовался уже на первом этаже, Егор остановился у почтовых ящиков, принюхался, выругался бессильно и потащился наверх. Так и есть, «батюшка» с «матушкой» то ли в отместку, то ли по глупости увеличили скорость производства и количество отходов в два раза. На площадке под щитком громоздилась пирамида черных рваных пластиковых пакетов, набитых гниющей дрянью. И покоилось все это в густой глубокой луже, в два раза больше исчезнувшей пару дней назад. Егор молча прошел мимо, открыл дверь и вошел в квартиру. Пыльно, душно, воздух затхлый и воды, конечно, никакой. Снова репетиция армагеддона – в доме только газ, но на кой черт он нужен, не поставишь же на огонь пустой чайник? Егор свалил покупки на кухонный стол и вышел в лоджию. Красная «мазда» никуда не делась, но сейчас рядом с ней носился ее блондинистый хозяин. Он полез под капот, поковырялся там с минуту и захлопнул крышку. Небрежно, точно нехотя обнял выбежавшую из подъезда Ольгу, хлопнул ее по спине, сел в машину и укатил. Девушка стояла на дороге до тех пор, пока «мазда» не скрылась из виду, потом повернулась и ушла в свой подъезд. Егор взглянул на часы и вернулся в кухню – можно не торопиться, маршрутку он пропустил, следующая придет через час, надо чем-то занять себя. Послонулся по квартире, повалился на диване, глядя в потолок, и, в конце концов, сдался, включил телевизор, принялся переключать каналы. Сериал, боевик, познавательная передача, концерт – за пару минут он убедился, что смотреть нечего, «картинка» вызывает лишь стойкое отвращение и желание нажать кнопку «выкл.». Но вместо вырубил только звук и потянулся к зазвонившему мобильнику. Титов, конечно, странно, что чиновник так долго с мыслями собирался.

– Егор? – как-то очень вежливо заговорил школьный приятель, – ты?

– Нет, не я, – съехидничал Егор в ответ.

– Зачем ты так? Я же предупреждал тебя, – тихо спросил Титов, – это же достойные, уважаемые люди. Я им пообещал, рекомендации тебе дал, а ты... Ты меня подставил! – в голосе чиновника послышалась истерика.

– Да, Леш, вот таким засранцем я оказался, – в тон чиновнику ответил Егор, – не оправдал я. Извини.

– Ты понимаешь, что в городе тебе работы нормальной не найти, – как показалось Егору, с угрозой, произнес Титов.

– Понял, не дурак. Все, мне ехать надо. Будь здоров, – Егор нажал «отбой» и потянулся к пульту, но гасить «зомбоящик» не спешил. Прилизанный в блестящих очочках ведущий, любимец всех домохозяек страны исчез с экрана, заодно прихватив с собой всю «картинку» полностью. И не только с этого канала – Егор быстро переключал их один за другим, и везде видел одно и то же: черный экран с едва заметными дрожащими зеленоватыми полосами. Не помехи, ни «снег», вещание просто оборвалось на всех пятнадцати доступных ему каналах.

Минута, две, три – Егор нажал первую попавшуюся кнопку, и тут эфир прорвало. Картинку дублировали все телекомпании – вид на колокольню Ивана Великого и красные кремлевские стены за ней. Егор уселся на диван, не выпуская пульт из рук и методично жал на кнопки, начиная с левой верхней. Везде одно и то же – панорама московского Кремля и гробовая тишина. На пятом или шестом нажатии грянула торжественная музыка, моментально пропала, появилась студия, в ней на фоне логотипа главного канала страны появился ведущий. Весь вид, а особенно взгляд брюнета в безупречном черном костюме навевали одну мысль – перед зрителями сейчас выступит зомби, активированный колдуном пару минут назад, ибо по-другому объяснить выражение лица и даже позу: поднятые плечи и мелко дрожащие руки со скрюченными пальцами Егор не мог. А ведущий тем временем моргнул, поднял подбородок и принялся скрести руками по столу. Опомился, расправил плечи и заговорил, глядя в одну точку перед собой, глаза его бегали, голос едва заметно подрагивал.

– Срочное сообщение. Сегодня было совершено покушение на Президента России. Глава государства посетил подмосковную обитель, где, как ранее сообщал наш канал, несколько дней назад замироточила древняя икона. После праздничной службы, которую провел глава РПЦ, Президент приложился к святыне и вышел из церкви на крыльцо, где и получил несколько ранений. Предположительно, стрелявший находился на колокольне обители, он произвел пять выстрелов из снайперской винтовки, после чего покончил с собой. Личность стрелявшего не установлена, Президент с тяжелыми ранениями был доставлен в ближайший военный госпиталь. Как нам только что сообщили, временно исполняющим обязанности Президента назначен Председатель правительства...

Дальше Егор слушать не стал, выключил телевизор, посидел еще в тишине, глядя то в окно, то в стену перед собой. Что ж, этого следовало ожидать, система круговой поруки, действовавшая по понятиям «друзьям – все, остальным – закон», успешно отпахавшая на благо особо приближенных к престолу лиц почти полтора десятка лет, уничтожила своего создателя. «Покончил с собой. Сомневаюсь я» – Егор стоял у окна, опираясь ладонями на подоконник. Скорее всего, неподалеку находился еще один специалист с СВД или «винторезом» на изготовке, и у этого специалиста была своя цель, как и у того, что с колокольни палил в гаранта Конституции. А, может, и правда сам себе башку разнес.

Егор смотрел на пыльную улицу, где ровным счетом ничего не происходило. Пробежала пара бездомных псов, проехал мальчишка на велосипеде, проскочила желтая полупустая маршрутка. Мир не рухнул, планета не сошла со своей орбиты, разбитая на куски небесная твердь не падала на грешную землю. Он не чувствовал ни тревоги, ни волнения, ни оправданного страха перед будущим – эмоций не было вообще, крутилась в голове одна мысль: прошлому конец, только что пройдена точка невозврата. А раз так, то делать ему здесь больше нечего.

Егор нашел в кухне рекламную газетенку, набрал номер такси.

– Сколько? – переспросил он диспетчера после того, как назвал конечную точку маршрута, – обалдеть! Ладно, еду. И побыстрее, я тут ночевать не собираюсь.

Он быстро собрал остатки одежды, выгреб из шкафов теплые вещи и остальную мелочь, рассовал по пакетам. Нашел в ящике стола и положил в рюкзак нож в самодельных же ножнах, собственноручно переделанный из штык-ножа АКСа и прикинул на руке вес рюкзака. Получилось неслабо, самому ни за что не дотащить, да еще и продукты... Егор вышел из квартиры, закрыл дверь и, стараясь не дышать, сбежал по лестнице вниз, вышел из подъезда.

Серая «школа» подошла через несколько минут, вид у водителя был озабоченный и злой.

– Я только до остановки довезу! – вместо приветствия заявил водитель, – мне дальше не проехать. И на заправку заехать надо, говорят, бензин завтра подорожает, а там уже очередь.

– Я доплачу. «Черт с тобой» – Егор положил свой груз в багажник, уселся на заднее сиденье в прокуренный салон и захлопнул дверь. Впервые в жизни он был готов отдать две цены за такси, чтобы поскорее убраться подальше от родительского дома.

На даче оказался уже поздним вечером, прошел, нагруженный, по пустым тихим улицам мимо необитаемых домов. Постоял у своего забора, прислушался – все спокойно. Со стороны Тихоновых слышится музыка и голоса – старики смотрят телевизор, со стороны участка хозяев мерзкой псины не доносится ни звука, что радует. Егор нашел в кармане ключ от нового замка, открыл калитку и вошел во двор. Красота-то какая – чисто, тихо и хорошо пахнет, розами и фиалками одновременно.

– Покатушечники хреновы. Без меня в машинки играйтесь. И зачем ей этот хорек? Могла бы себе и попримечнее кого найти, – проворчал он себе под нос и потащил груз к дому, отгоняя нахлынувшие вдруг мысли. Только сейчас пришло осознание произошедшего, подобие шока спало и в голове назойливо крутилось одно: что дальше? Возможно, Ванга или Нострадамус могли бы внести в ситуацию немного ясности, но, по ряду причин прямо сейчас помочь ничем не могли. Егор мог ждать и наблюдать, и, как подсказывал инстинкт, помноженный на опыт, заниматься всем этим лучше всего вдали от крупных населенных пунктов. Да и от мелких тоже.

Утром он первым делом нашел в телефонной книге нужный номер и нажал «вызов». Ждать ответа пришлось долго, абонент отвечать не торопился.

– Да, слушаю? – Егор улыбнулся, услышав знакомый недовольный голос, спрыгнул с крыльца на траву и крикнул в трубку:

– Привет, бригадир! Это Архипов, узнал? Как здоровье, как сам? Молодец, так и надо. Ты гараж-то еще не купил? Надумал, надумал, приезжай. Да хоть сегодня, мне все равно. Отлично, до вечера, – щелкнул пальцами, подмигнул опешившему старику и нажал «отбой».

Сделка купли-продажи состоялась в тот же день. Бригадир еще раз придиричиво осмотрел гараж, вместе с сыном облазил все закутки и темные углы, попытался сбить цену, но Егор не торговался. Наконец, деньги перешли из рук в руки и стороны разошлись, довольные друг другом. Егор отдал Виктору Петровичу ключи, пожелал ему и довольному Валерке всего хорошего и двинул к себе в квартиру. Мысли о том, сколько дел предстоит проверить сегодня, настолько захватили его, что Егор спокойно, даже равнодушно прошел мимо мусорной кучи на своей площадке. Телевизор он включил ровно на десять минут, чтобы посмотреть выпуск новостей. Насмотрелся на перепуганные осунувшиеся рожи депутатов и прочей чиновной шушеры, причем вид у всех был такой, будто их только что застукали с поличным в момент передачи киллеру оговоренной суммы за устранение высокопоставленного источника их неприятностей. Выяснилась и судьба обладавшего острым зрением и твердой рукой самоубийцы – тот, оказывается, упал с третьего яруса семидесятиметровой колокольни сам, без посторонней помощи, а дырка в затылке является травмой, полученной в момент падения. И потом еще полночи на неудобном продавленном диване провел в подсчетах и составлении списков, утром он был уже на строительной оптовке, предварительно позвонив по найденному в рекламной газетке телефону и договорился, что машина с компрессором придет завтра, в первой половине дня. Закупил все, заказал грузовую «Газель», загрузились и двинули на продуктовый рынок, благо езды до него было десять минут. Жизнь, как он и предполагал, не остановилась, торгаши исправно открыли лавки с утра пораньше, толп и очередей к дверям магазинов не наблюдалось.

– Ты что ли партизанить собрался? – не выдержал водитель, глядя на то, как Егор затаскивает в машину коробки и ящики с продуктами.

– Как получится, – отозвался тот, а сам все думал, не прихватить ли еще пару коробок с макаронами. И не выдержал, закинул их на тюк ветрозащитной пленки, а упаковка бутылок с подсолнечным маслом и сгущенкой удачно встала на ящик с дизель-генератором. На выбор и покупку печки времени ушло больше, поэтому груженная «Газель» добралась до участка только к обеду. Водитель помог Егору с разгрузкой, получил заработанное и укатил прочь. Появив-

шийся на шум Иван Михайлович живо интересовался техническими характеристиками оборудования и все порывался помочь Егору перетащить запасы и стройматериалы во двор.

В конторе не обманули, грузовик с работягами подъехал к участку в десятом часу утра. Машина осталась у забора, через калитку протасили шланги, и через два часа работы на газон полилась чистая прозрачная вода.

– Все, хозяин, – заверил Егора один из специалистов, пересчитывая деньги, – года на два тебе хватит, если не больше.

«Надеюсь» – Егор проводил спецов и закрыл за ними калитку. Так, с эти покончено, теперь дальше – он остановился перед сложенным на газоне утеплителем и брусом для каркаса. Вроде, верно все подсчитал, на утепление стен, пола и крыши этого добра должно хватить. Потом глянул на небо, поморщился с досадой – так и есть, собирается дождь. А что, все верно, все по закону подлости – пока думал да соображал – солнце палило, а как до дела дошло – так сразу «возможны осадки».

– Разберусь, – пробормотал Егор, – завтра и начну, с утра. За неделю управлюсь.

Мелкий нудный дождик стучал по крыше и подоконникам всю ночь, под эту капель Егор отлично выспался и утром первым делом покатил на родник. Там же и умылся в ледяной воде, набрал полные канистры и, не торопясь, поехал обратно, объезжая размокшую грунтовку по траве и кочкам. Единственной живой душой, попавшейся ему на пути, был серый полосатый кот с мышью в зубах. Егор уступил охотнику дорогу и двинулся дальше. Мимо пустых домов и заброшенных участков, вдыхая сырой утренний воздух, он пробежал минут за семь, перешел на шаг и остановился у своей калитки. Красота-то какая и тишина, даже жутковато, словно и живых вокруг нет, даже чертова псина заткнулась

Егор вошел во двор и остановился перед грудой утеплителя, потом посмотрел на крышу дома. С чего сегодня начнем? От размышлений оторвал шорох за спиной – в смородине показался Иван Михайлович. Выглядел он неважно – бледный, губы синюшные, руки подрагивают.

– Ты чего? Плохо? Сердце? Дышать больно? – на все вопросы старик мотал головой.

– Нет, нет, нормально все, голова только болит. Ты новости смотрел? – оборвал он Егора.

– Нет, – ответил тот, – у меня и телевизора-то нет.

– Пошли к нам. Пошли, пошли, – потребовал дед, – посмотришь.

Егор повесил мокрое полотенце на перила крыльца и полез следом за соседом в заросли смородины. Надежда Георгиевна сидела перед маленьким телевизором, Егор поздоровался с женщиной, остановился у нее за спиной. На экране с воем и огнями пронеслась полицейская машина, вылетела на тротуар, едва не врезавшись в стекло витрины, но успела уйти влево, и пропала из виду. Камера поехала вбок, и картинка получилась смазанной, Егор успел рассмотреть лишь толпу, перегородившую проезжую часть, битое стекло на асфальте, покрытое алыми каплями.

– Видал? – комментировал рядом дед, – со вчерашнего дня началось.

– А что началось-то? – Егор смотрел то на экран, то на подернутое сизой дымкой небо. Кажется, дождь собирается, а он тут дурака валяет...

– То ли демонстрация в Москве была, то ли митинг – я толком не понял, – докладывал обстановку сосед, – и кто первый начал – непонятно. Кто говорит, что полиция огонь открыла, кто – что из толпы стреляли.

На экране появилась цепь ОМОНовцев, «черепеха» шла на беснующуюся толпу. Перед цепью наступающих разбилась бутылка с зажигательной смесью, кто-то успел отскочить назад, кто-то оступился и замешкался. Экран заволокло дымом, ведущий захлебнулся от собственных эмоций, Надежда Георгиевна вскрикнула, Егор отвернулся и направился к забору.

– Черт с ними, пусть бесятся, – сказал он на прощанье. – Мало ли дураков на свете. Сейчас им рога-то пообломают.

Каркас из бруса был готов к вечеру, работу Егор заканчивал под мелким морозящим дождем, поужинал наскоро и плюхнулся спать, с твердым намерением встать завтра пораньше. Собака и соседи вели себя тихо, не бесновались, со стороны Тихоновых тоже не доносилось ни звука, и Егор быстро уснул под мерный стук дождевых капель по подоконнику. Следующий день, как и планировалось, начался рано, и в восемь утра работа уже кипела вовсю. Но Иван Михайлович тоже не дремал, он явился с визитом через час и напросился Егору в помощники.

– Ну, что там? В Москве? – Егор закрепил в ячейке фрагмент утеплителя и взял из рук деда следующий.

– Стреляют, – отозвался Иван Михайлович, – всю ночь стреляли. Сегодня утром передали – убиты полицейские, оружие исчезло.

– Интересное кино, – протянул Егор, – пойти, посмотреть что ли? Некогда, – он глянул на серые низкие тучи и занялся утеплителем.

– Сейчас, – сосед вернулся через пару минут, вынес из кухни табуретку и поставил на нее телевизор, включил его.

– По последним данным, в ходе беспорядков в городе погибли двадцать семь человек, пятьдесят шесть пострадали, из них двадцать три – полицейские, больше трехсот человек были задержаны. Что касается ущерба, были сожжены два административных здания, офисы нескольких компании, а также полтора десятка автомобилей, – к словам ведущего выпуска новостей Егор почти не прислушивался, внимание отвлекала картинка. Сгоревшие магазины, дым из окон домов, и баррикады. Примитивные, из всякого рода железок и деревяшек, такую преграду запросто снесет любой бульдозер, не говоря уже о танке. Около баррикад тоже костры, потому что там дежурят круглые сутки. Оружие – железные и деревянные палки, прутья арматуры, сложенные в кучки булыжники, вывороченные из тротуаров, да несколько бутылок с бензином.

– «Молотов» нам нужен на случай, если ОМОН начнет атаку, ведь у них автоматы, – захлебывающимся голосом пояснял съемочной группе некто, по самые глаза замотанный в черный, в белую клетку платок. Репортаж оборвался неожиданно – при звуке близкого выстрела протестующий кинулся к баррикаде, телевизионщики – в другую сторону. На этом выпуск новостей закончился, потом долго шла реклама, за ней началась черт знает какая по счету серия бесконечного сериала.

– Что скажешь? – деду не терпелось обсудить происходящее, но поддержки от Егора он не дождался.

– Разберутся, – проворчал он, и полез по приставной лестнице на крышу.

– Что-то долго они разбираются, – съязвил ему в спину дед, – второй день уже.

Ничего не изменилось и на третий день, и на четвертый, кроме того, что от жары не осталось и следа, а дожди шли все чаще. Утеплитель на стенах дома укрыла ветрозащитная пленка, сверху лег сайдинг. Егор собрал с газона остатки строительного мусора, убрал все в огромные пакеты и поставил их у калитки. Все, успел, можно выдохнуть и расслабиться. А потом можно и печкой заняться – место в доме он ей определил, теперь передохнуть денек и вперед. Через весь поселок Егор потащил тяжелые пакеты к мусорке, зашвырнул их в полупустой контейнер и направился к дому.

– Все, доигрались, – встретил его Иван Михайлович, – ЧП в Москве ввели, на месяц. И войска вводят, для наведения порядка.

– Да ладно? – Не поверил старику Егор, – это власть с перепугу, что ли? Думаю, сейчас и.о. гаранта из-под кровати калачом выманивают, главное, чтобы он со страху кнопку в ядерном чемоданчике с айфоном не спутал. А на каркасе памятника Петру Первому установлена баллистическая ракета, замаскированная под одну из мачт корабля.

Иван Михайлович усмехнулся и пропустил Егора вперед, закрыл за ним калитку. Через четверть часа выпуск новостей расставил все по местам.

– В связи с произошедшими массовыми беспорядками в целях обеспечения общественной безопасности, восстановления законности и правопорядка, защиты прав и свобод граждан и в соответствии с Федеральным законом ввести в границах города Москва чрезвычайное положение на срок тридцать дней. Также в Москве вводится комендантский час с двадцати трех часов до семи часов утра на все время действия чрезвычайного положения, – вид у ведущей выпуска был такой, словно на нее смотрела не камера, а дуло автомата. Дальше пошли прямые включения с московских улиц – перечисление сколько, чего и где сторело, стрельба за кадром. Крупно показали избитых обезоруженных заморышей-срочников, труп офицера Росгвардии, начальника патруля, убитого двумя ударом ножа в спину. Дальше снова раздалась выстрелы, сюжет закончился хаотичным метанием камеры по окнам верхних этажей домов и верхушкам деревьев.

– Что творится, – чуть не плача, произнесла Надежда Георгиевна и ушла на второй этаж дома. Дед хотел что-то сказать, но передумал, Егор, не отрываясь, смотрел на экран. Следующее прямое включение велось от гигантского торгового центра с выбитыми витринами, там оцепление полиции и солдат сдерживало напор толпы. За спинами людей показались на миг машины с пробитыми булыжниками лобовыми стеклами, рядом сновали, пригнувшись, как под обстрелом, смуглолицые горбоносые гости столицы.

– Вон и бараны твои побежали, – брякнул дед. Егор оторвал взгляд от экрана и подошел к окну.

– Не мои, – отозвался он. Старик умолк, из динамиков телевизора неслись крики впере-мешку со стрельбой.

– Петька звонил? – спросил Егор, чтобы не молчать.

– Да, да, звонил, – оживился Иван Михайлович, – вчера и сегодня утром. Офис у них не работает, их за свой счет отпустили. Как ты думаешь, это надолго?

– Откуда же я знаю? – удивился Егор, – может, на неделю, может – на две. Ничего, отдохнет твой Петька.

– Да я не про отпуск, – перебил Егора дед, – про все это.

Ответить было нечего, и Егор снова уставился на клумбу с роскошными розовыми и белыми астрами. Старик побегал по комнате и снова заговорил, обращаясь к спине собеседника:

– Я в девяносто первом в Москве работал и двадцатого августа повез свою знакомую иностранку в Шереметьево. Она была в панике и все успокоительные пила – так ей страшно у нас было. Едем, значит, а навстречу нам по Ленинградке танки идут, в «Шарике» давка, но улететь можно было. Специально подошел тогда к кассе, уточнил – билеты продавались. Я к чему это говорю, – с деланным, нездоровым воодушевлением продолжил дед:

– Россия не Тунис и не Египет. Росгвардия, армия и менты размажут любителей пострелять в считанные дни, а значит, достаточно пересидеть самый максимум, неделю-другую, и стрельба прекратится. Я так думаю, – выдохнул он и умолк.

– Ну, да. Наверное, примерно так же рассуждал средний класс в России в феврале семнадцатого года, – ответил Егор, – а вообще на девяносто третий похоже. Очень. Словно на восемнадцать лет назад провалились. Только... – он не договорил, хозяин дома перебил его:

– Точно, в девяносто третьем то же самое было, и ничего, обошлось все. Да ты, наверное, и не помнишь.

– Почему, помню, – Егор отвернулся от окна, посмотрел на взъерошенного деда, потом на экран телевизора, – я тогда школу спецом прогулял, чтобы прямую трансляцию по CNN посмотреть, репортаж по всем каналам показывали. И в Москву поехать собирался, чтобы танки поближе рассмотреть. Хорошо, что не поехал, а то лежал бы уже под травкой с простреленной головой, как отец.

Снова стало тихо, на экране от неразделенной любви страдала блондинка с силиконовым бюстом, Егор взял пульт и принялся переключать каналы.

– Серега тогда не в ненужном месте в ненужное время оказался, – заговорил Иван Михайлович, – его же у Белого дома тогда?

– Да, у метро «Баррикадная». Я потом туда ездил, место это нашел, где их машина стояла, – Егор, не отрываясь, смотрел сериал, – а через полгода мать извещение получила, что командиру отдельно гвардейского разведывательного батальона мотострелковой дивизии полковнику Архипову посмертно присвоено звание «Герой Российской Федерации».

Смотреть на загримированные с неестественными гримасами рожи было невмоготу, и Егор выключил телевизор. В комнате стало тихо, так тихо, что слышался стук дождя по подоконникам.

– Помню, – Иван Михайлович забрал у Егора пульт и сел рядом за столом, – его ведь одним выстрелом, вроде?

– Да, он из машины выскочил, чтобы раненого до укрытия дотащить, тут их обоих и порешили. Мне потом сослуживцы отца рассказывали, что никто так ничего и не понял. Один говорит – свои же, из-за несогласованности действий командования. О местах дислокации частей других ведомств их не уведомляли, не была связь между подразделениями организована, – воспоминание не ранило, и Егор говорил о гибели отца спокойно, даже отстраненно. То ли времени много прошло, то ли все пережитое после взяло верх над старыми, полудетскими еще эмоциями, то ли то и другое сразу. Поэтому он легко вспомнил и поведал перепуганному и ошарашенному старику все подробности давней трагедии:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.